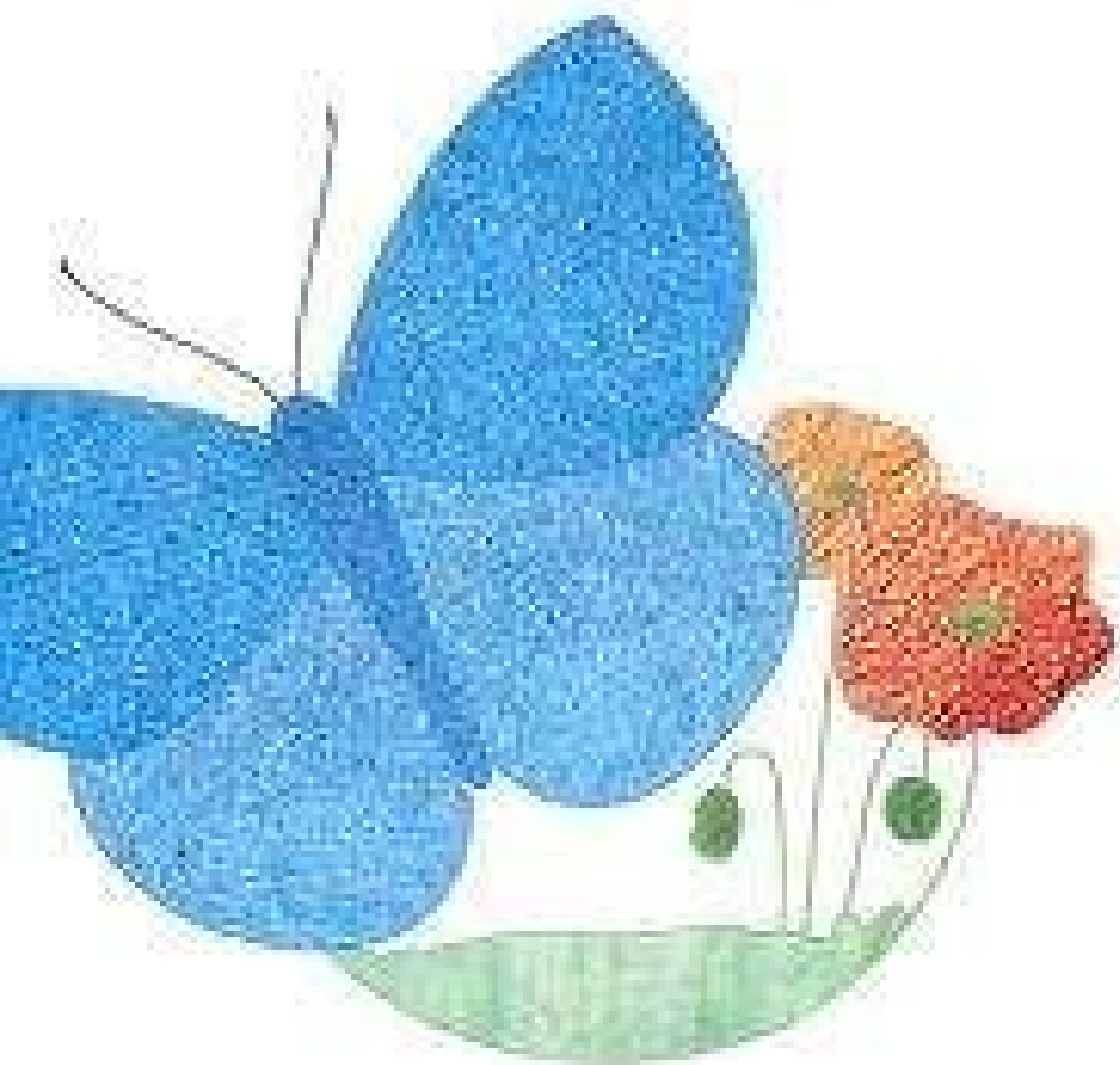

ЭЛИЗАБЕТ КЮБЛЕР-РОСС

Жизнь, смерть
и жизнь после смерти

Что нам известно?

OZON.RU

Элизабет Кюблер-Росс

Жизнь, смерть и жизнь после смерти. Что нам известно?

Введение

Швейцарский врач Элизабет Кюблер-Росс (1926–2004), которая долгие годы проработала во многих больницах и университетах Соединенных Штатов Америки, достигла в области исследования смерти большой известности. Написанные доктором Кюблер-Росс книги стали образцовыми учебниками для врачей и медицинских сестер на ее новой родине. Ею восхищались и ее почитали, и нельзя было найти в мире ни одного такого второго ученого, который получил бы столько почетных докторских мантий в награду за свои достижения. Много сотен часов она провела около постелей смертельно больных и описала их поведение, создав теорию о пяти стадиях умирания. Пока она лишь фиксировала и публиковала все, что ее пациенты переживали до того момента, когда констатировалась смерть, Элизабет находила одобрение у коллег. Но когда доктор Кюблер-Росс стала читать доклады и давать интервью, описывая внетелесные переживания, известные ей по рассказам умирающих, которые она и сама могла подтвердить благодаря собственному подобному опыту, когда она отказалась рассматривать происходящее только как галлюцинации, многие коллеги отвернулись от нее и объявили швейцарского ученого «сумасшедшей».

Никто не мог поверить, что она посвятила себя такой «несерьезной» исследовательской области — вопросу жизни после смерти. Материалистическое мышление и связанное с ним понимание тела как суммы атомов отрицает подобное явление: со смертью тела душа человека и его «Я» должны считаться исчезнувшими. То, что доктор Элизабет Кюблер-Росс не прекратила свою работу, в которой она переступила границы предположительно поддающегося исследованию, а несмотря на все враждебное к себе отношение мужественно продолжала рассказывать о наблюдениях и следующих из них заключениях, многим казалось изменой безупречной репутации ученого. Доктор Росс высказала в одном из интервью следующую мысль: «По моему мнению, тот по-научному честен, кто записывает то, что обнаружил, и представляет, какой вывод из этого можно будет сделать. Нужно было проявлять полное недоверие ко мне и обвинять меня прямо-таки в профанации науки тогда, когда я публиковала лишь то, что одобряется общим мнением. Я не стремилась переубедить людей или полностью обратить их в свою веру. Мою задачу я вижу главным образом в том, чтобы передавать дальше полученную в результате исследований информацию. Те, кто к этому готовы, будут доверять мне. А те, кто не готовы, будут, кичась всезнанием, искать возражения».

В то время как эта исследовательница уже более десятилетия была знаменитостью в Америке, большой интерес вызвали ее публикации, появившиеся в немецкоговорящем пространстве — в издательстве «Кройц» в Штутгарте. Но только две выпущенные Гюнтером Роллингом телевизионные передачи представили самого автора, ее деятельность и мышление широкой публике. Швейцарским телезрителям, кроме того, посчастливилось видеть ее интервью с католическим теологом Хансом Кюнгом.

В обеих передачах доктор Кюблер-Росс высказала убеждения, полученные в результате собственных научных исследований: «Смерть — это лишь переход в другую форму жизни, на иную частоту» и «Момент смерти — это совершенно неповторимое, прекрасное,

освобождающее переживание, через которое проходят без страха и трудностей». Таких позитивных высказываний о смерти телезрители никогда еще не слышали ни от одного медика. И когда доктора Росс спросили, боится ли смерти она сама, она, не задумываясь, ответила: «Нет, совсем нет, я встречу ее с радостью». Для нее исследование вопросов, связанных со смертью, означало не бегство от жизни, а совсем обратное. Включение смерти в круг своих размышлений позволяет человеку жить более осознанно и более сконцентрировано и предостерегает от того, «чтобы слишком много времени тратить на то, что не является важным».

Смерть, представляемую нашими современниками ужасным призраком, о котором лучше ничего не знать, которую стремились вытеснить из сознания как врага жизни, лишилась теперь своего пугающего ореола. И вызвала исследовательский интерес у энергичного и жизнерадостного врача, обнаружившего во время своих исследований, что мы, собственно, вовсе не должны бояться смерти, так как смерть это не конец, а, скорее всего, «прекрасное начало».

В интервью, которое транслировало швейцарское телевидение, профессор Ханс Кюнг подчеркнул значение деятельности этой мужественной женщины, когда говорил о том, что не только теологи, но и «бесчисленное количество людей» ей «бесконечно благодарны». Она первой начала обсуждать вопросы смерти и тем самым «нарушила табуизированность» этой темы. Вследствие чего медицина стала «опять открыта для этого вопроса». Наша жизнь в земном теле, как признала Элизабет Кюблер-Росс в той же самой передаче, это лишь «совсем, совсем маленькая часть нашего существования». Материалистически направленная наука заблуждается, ограничиваясь понятием единственности жизни, в большей степени эта жизнь лишь крохотная часть нашего общего индивидуального существования, которое после окончания идет дальше в заранее определенном порядке.

Разве не утешительно знать, что с нашей земной смертью не просто «все закончится», а нам еще предстоит много удивительного? Эта книга рассказывает, как Элизабет Кюблер-Росс пришла к своим взглядам и убедилась в наличии жизни после смерти. Также вы узнаете о тех переживаниях, которые непосредственно следуют за этим событием.

Нашему издательству было разрешено подготовить сборник на тему «Жизнь после смерти», состоящий из докладов Элизабет Кюблер-Росс. Для осуществления этого замысла мы прибегли к трем источникам. В первом случае речь идет о сделанном в Швейцарии докладе под названием «Жизнь и умирание», который мы воспроизводим фрагментарно, чтобы не опережать по содержанию следующие части. За ним следует второй доклад, сделанный в 1977 году в Сан-Диего, Калифорния, под названием «Смерти нет». И завершает книгу третья и последняя часть — перевод учебной кассеты, которую автор наговорила в 1980 году и которой она дала название «Жизнь, смерть и жизнь после смерти».

Издательство «Зильбершнурр»

Жизнь и умирание

Многие люди говорят: «Доктор Росс видела слишком много умирающих. Немудрено, что у нее появились некоторые странности». Мнение, которое складывается у других людей, — их проблема, а не ваша. Важно помнить об этом. Даже если у вас чистая совесть, и вы делаете свою работу с любовью, вы все равно можете столкнуться с унижениями и попытками осложнить вашу жизнь... А десять лет спустя получить восемнадцать почетных докторских званий за ту же самую работу. Такова история моей жизни.

Если провести долгие годы возле постелей умирающих детей и стариков, если слушать и действительно слышать их, то начинаешь замечать, что они предчувствуют момент приближения смерти. Однажды кто-то из них захочет попрощаться с вами, хотя вы не думали, что его черед может наступить так скоро. Если вы не отвергнете слова пациента, а останетесь рядом, тогда умирающий расскажет вам обо всем, чем хочет поделиться. И тогда после его смерти у вас останется хорошее, светлое чувство и осознание того, что вы, возможно, единственный человек, который воспринял его слова всерьез.

Во всем мире мы изучили двадцать тысяч случаев, когда после констатации клинической смерти человек был возвращен к жизни. Некоторые пришли в себя абсолютно естественным образом, другие — благодаря реанимационным мероприятиям.

Я хочу рассказать вам о том, что именно происходит с человеком в момент смерти. Это всеобщее переживание, не зависящее от того, кто вы — австралийский абориген, индус, мусульманин, христианин или неверующий, оно не зависит от возраста и экономического статуса. Речь идет о таком же неотъемлемом человеческом переживании, как и процесс рождения.

Околосмертные переживания почти идентичны рождению — рождению в другое существование. Это достаточно легко доказуемо. Две тысячи лет подряд нас просили «верить» в потусторонние вещи. Для меня это больше не вопрос веры, а вопрос знания. И я заявляю: вы можете познать все, что предположительно относится к этому знанию. Если вы не хотите слышать ни о чем подобном, это не играет абсолютно никакой роли. Когда умрете, вы все узнаете, так или иначе. И я встречу на другой стороне всех тех, кто сейчас говорит обо мне: «Бедная доктор Росс!»

В момент смерти наше сознание проходит три фазы. Думаю вам будут понятны образы, которые я использую, беседуя с совсем маленькими умирающими детьми. Телесная смерть подобна явлению, которое можно наблюдать при выходе бабочки из кокона. Кокон вместе с личинкой — это временное человеческое тело. Но оно не идентично вам, оно — только временный дом, как я это себе представляю. Смерть, фигурально выражаясь, — это переезд в лучший дом.

Как только кокон из-за самоубийства, убийства, инфаркта или из-за хронической болезни, совершенно безразлично из-за чего, непоправимо повреждается, бабочка, то есть душа, освобождается. На этой второй ступени, после того, как — выражаясь символически — бабочка покинет кокон, будут происходить важные события, о которых вам следует знать, чтобы больше не испытывать страха смерти.

На второй ступени вы существуете уже на уровне психической энергии. В первой фазе вы еще нуждаетесь в функционирующем мозге и бодрствующем сознании, чтобы общаться с близкими. Как только, однако, мозг, или кокон, слишком повреждается, у вас, естественно, больше нет бодрствующего сознания. В тот момент, когда оно отсутствует, то есть кокон так поврежден, что вы уже не дышите, но пульс и мозговые волны еще могут быть зарегистрированы, бабочка находится уже снаружи кокона. Это не значит, что вы уже мертвы, просто кокон больше не функционирует.

Покидая кокон, вы попадаете на вторую ступень, которая снабжается психической энергией. Психическая и телесная энергия — это два единственных вида энергии, которыми человек может управлять.

Самый большой подарок, который Бог дал человеку, это свобода воли. И свободная воля присутствует из всех живых существ лишь у человека. При этом у нас есть выбор: использовать доступные энергии негативно или позитивно. Это значит, что обе энергии в соответствующем теле могут иметь как положительный, так и отрицательный заряд. Как

только вы становитесь свободной бабочкой, как только душа вышла из тела, вы, прежде всего, замечаете, что «видите» все происходящее вокруг — больничную палату или место несчастного случая. Но вы смотрите на эти процессы не своим земным сознанием, а при помощи нового восприятия. Вы замечаете все, даже в то время, когда у вас больше нет кровяного давления, пульса и дыхания, а в некоторых случаях даже при отсутствии регистрируемых мозговых волн. Вы знаете, что каждый из присутствующих говорит и думает, и как он себя ведет. Затем вы можете очень точно описать, как ваше тело, например, освобождали из разбитого автомобиля. Есть люди, которые называли мне номерные знаки машины скорой помощи, в которой их везли, и даже тех автомобилей, что проезжали мимо. С научной точки зрения нельзя объяснить, как тот, у кого больше не регистрируются мозговые волны, может читать номерные знаки автомобилей. От нас, ученых, требуется покорность. Мы должны смиренно принимать то, что существуют миллионы явлений, которые мы не в состоянии объяснить. Это не означает, что те вещи, которые мы не понимаем, не могут быть реальными.

Если я начну сейчас свистеть в собачий свисток, то вы не сможете это услышать, в отличие от любой собаки. Причина в том, что человеческий слух не приспособлен для восприятия таких высоких частот. Поэтому среднестатистический человек не может увидеть душу, которая только что вышла из тела, в то время как каждая душа может регистрировать земные волны и воспринимать все происходящее на месте несчастного случая или где-то еще.

Очень многие люди во время операции выходят из тела и могут наблюдать за ее ходом. Подобный факт должен осознаваться врачами и медицинскими сестрами. Это значит, что пока пациент находится без сознания, персонал должен говорить только о тех вещах, про которые больной так или иначе мог бы услышать. Печально, когда узнаешь, о чем говорят в присутствии людей, находящихся без сознания, в то время как они могут все это воспринимать.

Также необходимо знать, что, когда вы подходите к постели умирающего отца или матери, которые уже находятся в глубокой коме, они слышат все, что вы говорите. И ни в коем случае не поздно произнести: «Мне очень жаль», «Я тебя люблю» или то, что вы всегда хотели им сказать. Для таких слов вообще никогда не бывает поздно, даже после смерти, так как умершие все еще слышат то, что вы говорите. Вы всегда можете завершить «неоконченные дела», даже если они были отложены на десять или двадцать лет, и тем самым искупить свою вину, чтобы потом вы смогли жить спокойно.

На этой, второй ступени «умерший», если так можно выразиться, замечает, что он стал совершенным. Люди, которые были слепы, могут видеть, глухие и немые опять слышат и говорят. Мои пациенты с рассеянным склерозом, которые могли передвигаться только в инвалидном кресле и имели проблемы с речью, восклицали, чувствуя себя счастливыми после своего возвращения из предсмертного переживания: «Доктор Росс, я опять мог танцевать». Речь идет о тысячах инвалидов, которые, наконец, вновь могли танцевать. Когда они возвращаются, то оказываются, естественно, опять в своем старом, больном теле.

Такие люди понимают, что внетелесное переживание является очень приятным и радостным событием. Маленькие девочки, которые после лечения рака потеряли свои волосы, первым делом говорили мне после подобных переживаний: «У меня опять были мои красивые кудри». Женщины, которым ампутировали грудь, снова чувствовали ее. Они вновь были полноценны. Они были совершенны.

Мои скептически настроенные коллеги говорят: «Речь идет лишь о проекции мечты». Но пятьдесят один процент рассмотренных мною фактов — это внезапные смерти в результате несчастного случая. Для скептиков все это не является доказательством. И чтобы немного успокоить их, мы провели исследование с участием слепых людей, соблюдая следующее условие: принимать во внимание рассказы только тех испытуемых, которые уже минимум

десять лет не имели светового восприятия. И эти слепые, которые испытали внетелесные переживания и вернулись назад, могут рассказать вам в деталях, какого цвета была одежда и какие украшения были на вас в тот момент, когда вы присутствовали при его смерти, какой узор был на пуговке или галстуке и так далее. Вы понимаете, что и речи не может быть о том, чтобы подобное можно было нафантазировать. Они могут подробно описать все происходящее, если увидят, что вас не пугает их рассказ. Если вас это все же настораживает, тогда можете прийти ко мне, как приходят те же скептики, которые говорят, что все внетелесные переживания нужно рассматривать только как результат кислородного голодания. Если это так, я буду предписывать всем своим слепым пациентам кислородное голодание. Понимаете о чем я? Если кто-то не готов принять факты, тогда он выступает с тысячами контраргументов. Но это опять-таки его проблема. Вы не должны пытаться обращать в свою веру других людей. Когда они умрут, они все узнают, так или иначе.

Во время второй фазы вы осознаете, что ни один человек не может умереть в одиночестве. Когда он выходит из тела, то находится в том бытии, в котором больше нет времени, там оно просто не существует, так же как там не идет речь о пространстве и расстоянии в привычном смысле, потому что они являются земными феноменами. Например, когда юный американец умирает во Вьетнаме и думает при этом о своей матери в Вашингтоне, то таким образом он преодолевает силой мысли тысячи километров и мгновенно оказывается возле нее. На этой второй ступени расстояния отсутствуют. Подобный феномен имеет место довольно часто: когда кто-то, живущий очень далеко от человека, внезапно оказывался перед ним. И днем позже раздается телефонный звонок или же им приходит телеграмма, в которой сообщается, что встреченный человек умер за сотни или тысячи километров от того места, где его видели. Люди, наблюдающие подобное, естественно, являются сильными интуитами, так как в обычных случаях такие посещения не осознаются.

Ни один человек не может умереть в одиночестве. И не только потому, что рядом находятся близкие, но и потому, что те люди, которые умерли до него и которые относились к нему с теплом и любовью, всегда ждут его. И так как по ту сторону не существует времени, каждый, кто в двадцать лет потерял ребенка, после смерти, наступившей в девятилетнем возрасте, может встретить его именно ребенком, так как для находящихся там одна минута может равняться ста годам нашего временного бытия.

Когда церковь рассказывает маленьким детям про их ангела-хранителя, это основывается на фактах, подтверждающих, что каждый человек от своего рождения до смерти сопровождается духовными сущностями. У каждого есть такой провожатый, верит он в это или нет, иудей он или католик, или вообще не исповедует никакой религии, это не имеет значения. Так как каждая жизнь безусловно ценна, человек и получает такой подарок — провожатого. Речь идет о том провожатом, которого мои маленькие дети называют «Невидимым другом». Малыши разговаривают со своими «Невидимыми друзьями» и полностью осознают это. Но как только они идут в первый класс, родители говорят им: «Ты уже большой мальчик, идешь в школу. Теперь больше не играй, пожалуйста, в эти детские игры». Так дети забывают, что у них были «Невидимые друзья», до тех пор, пока не оказываются на смертном одре. И тогда умирающая старая женщина внезапно говорит мне: «Он опять здесь... Когда я была совсем маленьким ребенком, он всегда находился около меня. Но я совсем забыла о его существовании». И днем позже она умирает совершенно умиротворенная, потому что тот, с кем она была невероятно счастлива, вновь ее ждет.

Чаще всего вы ожидаете увидеть человека, который относился к вам с наибольшей любовью. Он всегда встречает вас первым. В случаях с совсем маленькими, например, с двух-, трехлетними детьми, чьи дедушки и бабушки, родители, а также остальная знакомая им родня находятся еще на Земле, встречает их, как правило, персональный ангел-хранитель, или же их принимает Иисус или другая значимая с точки зрения религии личность. Я еще ни разу не сталкивалась с тем, чтобы ребенок, крещенный в протестантской вере, в момент смерти видел Деву Марию, в то время как ее видели очень многие дети-католики. Речь здесь

идет не о дискриминации, наоборот, вы можете ожидать по ту сторону встречи именно с тем, кто имел для вас наибольшее значение.

Когда на второй ступени вы обретаеете вновь возрожденное тело и встречаете своих любимых, то чувствуете, что смерть — это только переход к новой жизни. Телесно-земные формы оставлены позади, потому что они больше вам не понадобятся. Но, прежде чем вы оставите свое тело и примете форму, которой обладают в вечности, вы пройдете через фазу перехода, которая целиком и полностью обусловлена земными и культурными факторами. Речь здесь может идти о прохождении через тоннель или некие врата, или о переходе через мост. Я, как швейцарка, могу пересечь перевал, усыпанный альпийскими цветами. Каждый получает то небо, которое он себе представляет. А для меня, естественно, Швейцария и является этим небом, на котором, само собой разумеется, находятся горы, покрытые прекрасными цветами. Да, я хочу пережить этот переход как преодоление безграничного горного перевала, чьи лужайки так пестры от цветов, что они напоминают мне персидский ковер.

Как только вы проходите насквозь тоннель или пересекаете перевал, в его конце вам навстречу сияет свет. И этот свет белее белого и необыкновенно светел. И по мере приближения к нему вы наполняетесь огромной, неопикуемой, безусловной любовью, которую вы не могли себе даже представить. Для этого просто нет слов.

Если у кого-то был предсмертный опыт, тогда он мог рассмотреть этот свет совсем близко. Но должен был немедленно вернуться. Когда вы умрете, я имею в виду — окончательно, связь между коконом и бабочкой, которую можно сравнить с пуповиной («серебряный шнур»), прервется. После этого больше невозможно будет вернуться назад в земное тело. Но и вы в любом случае не захотите обратно, так как ни один человек, который увидел этот свет, больше не стремится назад. И в этом сиянии вы ощутите только понимание и никакого осуждения, вы переживете безусловную любовь, которую вообще нельзя описать словами. И в присутствии того, кого многие люди называют Христом или Богом, Любовью или Светом, вы осознаете, что земная жизнь была ничем иным, как школой, через которую вы должны были пройти, что вы выдерживали определенные экзамены и получили важные знания. Если вы выполнили свою нагрузку и состоялись как личность, то можете вернуться домой.

Многие спрашивают: «Почему должны умирать маленькие дети?» Ответ звучит совсем просто — потому что эти дети за очень краткое время научились тому, чему должны были научиться. Для различных людей предназначены совсем разные уроки. Одному должен научиться каждый, прежде чем он сможет вернуться туда, откуда пришел, — безусловной любви. Если вы этому научитесь и начнете практиковать, значит, вы выдержали самый главный экзамен.

В этом свете, в присутствии Бога, Христа или другой значимой сущности, вы должны еще раз обозреть свою земную жизнь, от самого первого дня и до смерти. Итак, вы уже на третьей ступени. Теперь вы не располагаете сознанием, как на первой ступени, или возможностями восприятия, как на второй. Но теперь вы обладаете знанием. Вы все знаете о каждой мысли, которую вы когда-либо обдумывали, знаете о каждом поступке и каждом слове, которое когда-либо произносили. Вы понимаете все последовательности событий, которые происходили из-за каждой мысли, каждого слова и поступка.

Бог — это безусловная любовь. Во время «ревизии» жизни вы не должны предъявлять ему претензий, вы узнаете, что были сами себе наихудшим врагом, и должны упрекать только себя в том, что оставили неиспользованными так много возможностей для роста. Теперь вы знаете, что тогда, когда дом сгорел или ребенок умер, муж был ранен или вы сами получили инфаркт, что во время всех этих ударов судьбы речь шла о бесчисленных возможностях роста, роста в понимании, в любви, во всех тех вещах, которым мы еще должны учиться. «И вместо того, чтобы использовать предложенные мне шансы, — будете сожалеть вы, — я с

каждым разом все больше и больше предавался ожесточению, и моя ярость и негатив возрастали...»

Мы были созданы для совсем простой, красивой, великолепной жизни. И я должна подчеркнуть, что не только в Америке есть покалеченные и покинутые люди, но они есть и в прекрасной Швейцарии. Моим самым большим желанием является, чтобы вы по-другому стали относиться к жизни. Если вы относитесь к человеческой жизни как к созданию Творца, тогда не будете задавать вопрос, стоит ли продлевать чью-то жизнь. Тогда ни один человек не будет спрашивать, можно ли дать кому-нибудь смертельную дозу, чтобы прекратить его страдания. Умирание не должно быть страданием. Медицина на сегодняшний день так фантастична, что мы можем избавить от боли каждого умирающего. Если умирающий не испытывает боли, за ним заботливо ухаживают, и у вас есть мужество забрать его домой — все в порядке! Никто не будет просить вас о передозировке лекарств.

На протяжении последних двадцати лет меня попросил о смертельной инъекции лишь один человек. Я не поняла, чем вызвана его просьба. Села рядом с ним и спросила: «Почему вы этого хотите?» Тогда он открылся мне: «Моя мать, она не может больше видеть мои страдания. И я ей пообещал, что буду просить об уколе». Естественно, потом мы поговорили с матерью и помогли ей. Понимаете, не ненависть привела ее к этому отчаянному желанию, просто она не могла больше переносить все происходящее. Ни один умирающий не будет просить вас о смертельной инъекции, если за ним заботливо ухаживают и помогают завершать его неоконченные дела.

Я хочу доказать, что для многих заболеть раком является удачей. Я не хочу преуменьшать зло, которое сопутствует болезни. Но я хочу обратить внимание на то, что есть вещи, в сто тысяч раз более тяжелые, чем рак. У меня были пациенты с амиотрофическим латеральным склерозом, с такой неврологической болезнью, при которой их парализует от пяток до затылка. Они больше не могут дышать, не могут говорить. Я не знаю, можете ли вы себе представить, как это — быть полностью парализованным. Невозможно писать, ничего нельзя сказать, вообще ничего. Если вы знаете таких людей, сообщите мне о них. Мы располагаем очень полезной языковой доской, которая дает возможность этим больным общаться.

Мое желание таково: дайте людям чуть больше любви. Подумайте о том, что люди, которым вы в этом году подарили лучшие рождественские подарки, часто являются именно теми, кого вы больше всего боитесь или к кому ваши чувства самые негативные. Вы слышите это? Я сомневаюсь, что вам было бы нужно делать кому-то дорогой подарок, если вы вместо этого могли бы его просто безусловно любить. В мире двадцать миллионов детей, которые умирают от голода. Усыновите такого ребенка и делайте остальным меньшие подарки. И думайте также о том, что есть много бедных людей в Восточной Европе. Поделитесь своими благами с ними. И тогда, когда у вас наступят жизненные бури, думайте о том, что они являются подарком, который, возможно, не в этот самый момент, а через десять или двадцать лет обнаружит нечто такое, что даст вам силы и научит вещам, которым вы иначе вообще не научились бы. Если вы — говоря символически — камень, который попал в шлифовальный станок, то зависит полностью от вас самих, будете ли вы им совершенно раздробленны или выйдете оттуда сияющим бриллиантом.

В заключение хочу еще раз заверить, что сидеть у постели умирающих — это подарок, так как умирание не является печальным и страшным явлением, вы можете понять нечто важное и научиться прекрасным, бесценным вещам. И если вы это знание, которое вам передаст умирающий, распространите среди своих детей, внуков, соседей, тогда наш мир вновь станет раем. И я думаю, настало время приступить к этому.

Смерти нет

Долгое время обдумывала то, о чем сейчас хочу поговорить с вами. Я хотела бы рассказать, как удалось двухфунтовому «Ничто» найти свою дорогу в жизни, как я узнала на собственном опыте то, о чем сейчас говорю. И, кроме того, я хочу сказать, и в этом вы сами сможете потом убедиться: земная жизнь, которую вы проживаете в своем физическом теле, лишь очень, очень короткий промежуток времени в пределах общего существования. Однако в рамках всего вашего пути нынешняя жизнь имеет огромное значение, так как вы находитесь здесь по определенной причине, которая целиком и полностью предопределена. Если вы живете правильно, то не должны беспокоиться о смерти, даже если вам остался всего лишь один день. Фактор времени играет совсем незначительную роль, так как он является лишь частью выдуманной людьми концепции.

Правильно жить — означает в полном смысле этого слова учиться любить. Я была накануне очень взволнована, когда один из докладчиков процитировал: «Вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»[1]. В Швейцарии по достижении шестнадцати лет каждый проходит обряд конфирмации и получает изречение из Библии, которое должно сопровождать его по жизни. Так как мы с сестрами были тройней, то искали изречение, которое подошло бы нам всем. Выбрали вышеназванное. И на меня выпало слово «любовь». Поэтому я и должна теперь с вами беседовать о любви. Под любовью я понимаю и жизнь, и смерть, так как они — одно и то же. Я пришла в этот мир как «нежеланный ребенок». Не потому, что мои родители не хотели детей, напротив, они тосковали по девочке, однако по хорошо развитой, десятифунтовой девочке. Они не рассчитывали на тройняшек. Когда я появилась на свет, то весила только два фунта и была очень уродлива. У меня не было волос, и я была для своих родителей, наверное, очень большим разочарованием. Через пятнадцать минут родился второй, и еще через двадцать минут пришел в мир третий ребенок, который весил шесть с половиной фунтов. Наши родители были, наконец, счастливы, но все же они предпочли бы двоих из нас вернуть обратно.

Я верю, что ничто в жизни не бывает случайным. И совершенно точно не случайна данность моего рождения. Мне внушили чувство, что двухфунтовое «ничтожество» должно из всех сил доказывать — оно достойно того, чтобы жить. Я должна была особенно тяжело работать, подобно слепым, которые верят, что должны трудиться в десять раз усерднее, чтобы не потерять свое рабочее место.

Когда заканчивалась Вторая мировая война, я была очень юной. И чувствовала огромную потребность сделать что-то для этого мира, так ужасно разрушенного войной. Я дала себе клятву, что после окончания войны отправлюсь в Польшу, чтобы там оказывать первую помощь и помогать всем нуждающимся. Я сдержала свое обещание. И там было положено, как я думаю, начало моей дальнейшей работы, которая должна была связать меня с умиранием и смертью.

Я собственными глазами видела концентрационный лагерь. Видела вагоны с детской обувью и такие, которые были битком набиты волосами жертв. Такие волосы транспортировали в Германию, чтобы набивать ими подушки. Если ощутить дух концентрационного лагеря и увидеть крематории собственными глазами, и если при этом быть таким юным, как я тогда, то после подобного переживания невозможно остаться прежней. Антигуманность, которая была мною увидена, существует во всех нас. Каждый из живущих в этом пространстве, способен стать нацистским чудовищем.

С тем, что «черная» сторона есть у каждого из нас, вы должны согласиться. Так же как и каждый в этом пространстве способен стать матерью Терезой, если вы знаете, кого я имею в виду. Это одна из моих главных святых, женщина из Индии, которая подбирает детей и взрослых, умирающих и голодающих на улице. Она убеждена, что стоит жить для тех, кого она сможет обнять хотя бы на пять минут и охватить своей любовью. Это удивительная

человеческая душа. Я желала бы, чтобы вы имели возможность встретить ее. (Я знакома с ней.)

До того, как приехать в Америку, я работала в Швейцарии сельским врачом и вряд ли была очень счастлива. Я, собственно, подготавливала мою жизнь к тому, чтобы ехать в Индию и там — как Альберт Швейцер в Африке — работать врачом. Однако за два месяца до запланированного отъезда мне сообщили, что «индийский» проект рухнул. И вместо джунглей Индии я приземлилась в каменных джунглях Нью-Йорка после того, как вышла замуж за американца, который привез меня туда, где я меньше всего мечтала оказаться. И это также не было случайностью. Легко переехать в город, который любишь. Но переехать в город, к которому не чувствуешь совсем никакой тяги, это экзамен, необходимый для того, чтобы твердо уяснить: действительно ли человек занимается тем, что он считает целью своей жизни.

Я получила должность врача-психиатра в государственном госпитале Манхэттена, который представлял собой ужасное место. Я тогда мало разбиралась в психиатрии и чувствовала себя очень одинокой и жалкой. Кроме того, мне не хотелось делать несчастным еще и своего мужа. Тогда я целиком и полностью посвятила себя пациентам. Я идентифицировала себя с их неудачами, одиночеством и отчаянием. И однажды пациенты начали доверять мне и делиться своими чувства. И внезапно я заметила, что не одинока. Два года я не занималась ничем другим, как только жила и работала с этими пациентами. Чтобы разделить их одиночество, я праздновала с ними каждый праздник, была ли это Ханука, Рождество, Песах или Пасха. Я знала, как уже было сказано, мало о психиатрии, особенно о теоретической стороне вопроса, которая в моей работе врача была мне действительно необходима. Мы с пациентами из-за моего недостаточного знания языка вряд ли хорошо понимали друг друга, но испытывали взаимную привязанность. Да, мы действительно любили друг друга. По прошествии двух лет девяносто четыре процента всех моих пациентов были выписаны из госпиталя и смогли жить самостоятельно. Многие из них занялись собственным делом и стали вполне приспособленными к жизни людьми. Речь идет о так называемых «безнадежных шизофрениках»!

Я пытаюсь вам объяснить, что, хотя знание необходимо, одно оно никому не может помочь. Если вы не будете применять ваш разум и сердце, то не сможете ни единой человеческой душе. Эту правду я узнала от одного так называемого «безнадежного душевнобольного». Во время всей моей работы с пациентами, были ли то хронические шизофреники, дети с сильной задержкой развития или умирающие, я обнаружила, что каждый из них исполняет свою миссию. Каждый из этих больных мог не только учиться и принимать от вас помощь, но и мог сам стать вашим учителем. Это относится как к душевнобольным детям, которые имеют уровень развития шестимесечных, так и к безнадежным шизофреникам, которые на первый взгляд могли казаться подобными животным. Но все же лучшими учителями в этом мире являются умирающие пациенты.

Умирающие, если найти время посидеть у их постели, обучат нас фазам умирания. Мы видим, как они проходят через стадии ярости, отчаяния и торга, спорят с Богом и даже отказываются от него на некоторое время. Они ведут переговоры с Ним и впадают затем в тяжелейшую депрессию. Но если преданный человек помогает им с любовью, тогда умирающие могут достигнуть состояния принятия. Но все это не имеет ничего общего с собственно фазами умирания. Мы называем их «фазами умирания» из-за недостатка лучшего описания. Если человек теряет друга или подругу, если он теряет работу, или если ему нужно оставить дом, в котором были поведены пятьдесят лет жизни, или он лишается своего волнистого попугайчика или контактных линз, то проходят через такие же ступени. В этом, как я думаю, и есть смысл того, почему мы страдаем. Каждое страдание — это основа роста.

Большинство людей видят в тяжелых жизненных условиях, которыми их проверяет Бог,

проклятие, наказание, нечто безусловно негативное. Если бы только человек смог понять: ничего из того, что он встречает на своем пути, не является негативом, я подчеркиваю — совсем ничего! Все удары судьбы, опыт страдания и самые большие потери, через которые приходится пройти, а также все вещи, о которых задним числом говорят: «Если бы я об этом знал заранее, я бы не поверил, что смогу это перенести», — это все лишь подарки. Мы можем ту боль, которую нам причиняет судьба, и наши страдания сравнить с ковкой раскаленного железа. Это возможность, которая дается каждому, чтобы духовно расти. Это единственная причина нашего существования на Земле. Нельзя расти духовно, если проводить все время в чудесном цветнике. Рост связан с болью и потерями. Растут не тогда, когда прячут свою голову в песок, а когда боль принимают не как проклятие или наказание, а как подарок, позволяющий справиться с определенной задачей.

Хочу рассказать вам об одном клиническом случае. В одной из групп психологической поддержки, которую я вела, оказалась молодая женщина. Когда она родила второго ребенка, девочку, о которой давно мечтала, ей сообщили, ничего толком не объяснив, что ее ребенок является душевнобольным и умственно отсталым, и она вряд ли когда-либо сумеет установить с ним контакт. Муж оставил ее, узнав о болезни ребенка. Она чувствовала себя одинокой, брошенной со своими сильно нуждающимися в помощи и полностью зависящими от нее детьми, без средств к существованию.

Сначала женщина все энергично отрицала и не могла даже произнести слово «душевнобольной». Затем она обратила весь свой гнев на Бога. Она проклинала Его, потом сомневалась в Его существовании, до тех пор, пока не начала поносить Его, используя самые грубые слова. Затем она попыталась договориться с Ним. «Если мой ребенок сможет хоть чему-нибудь научиться, если он, по крайней мере, станет понимать, что я его мать, тогда я...» И, наконец, она поняла глубокое значение того, почему ей необходимо было родить этого ребенка.

Ей стало ясно, что ничто в жизни не является случайностью. Она все чаще смотрела на свое дитя и пыталась понять, какой смысл может иметь существование на Земле такого далеко от совершенства ребенка. Она решила загадку. И это можно понять из одного написанного ею стихотворения, с которым я теперь хочу познакомить вас. Она не поэтесса, но все же это очень трогательные стихи. В них она идентифицирует себя с ребенком, который говорит со своей крестной матерью, из-за чего она этим стихам дала название «Для моей крестной».

Что такое крестная?

Я знаю, что ты совершенно особенная.

Ты ждала много месяцев моего появления. Ты присутствовала тогда и увидела меня, когда мне было несколько минут от роду.

И ты меняла пеленки, когда мне было несколько дней.

Ты нарисовала себе в мечтах, что твой первый крестный ребенок будет здоров.

Он должен быть таким же особенным, как твоя сестра.

В твоих мыслях я была уже в школе, в университете и у брачного алтаря.

Что должно было из меня получиться? Такое совершенство, что честью для других было бы общаться со мной?

Только у Бога приготовлены были для меня другие планы. Я — это всего лишь я.

Никто никогда не сказал, что я нечто ценное.

Что-то функционирует в моей голове неправильно.

Я останусь навсегда ребенком Бога. Я счастлива.

Я люблю всех, и все любят меня. Я в состоянии выговорить лишь несколько слов.

Но я могу быть понятливой и понимаю расположение, тепло, ласку и любовь.

В моей жизни есть несколько совершенно особенных людей.

Иногда я сижу и улыбаюсь сама себе, а иногда я плачу.

Я бы охотно желала знать, почему?

Я счастлива, и меня любят несколько человек.

Я не могу никому причинить боль.

Я могу только любить. И, возможно, Бог нуждается в некоторых детях, которые просто любят.

Вспоминаешь ли ты, как меня крестили?

Ты держишь меня и надеешься, что я не буду кричать и что ты меня не уронишь.

Но ничего подобного не произошло, и это был очень счастливый день.

Ты поэтому моя крестная мать? Я знаю, что ты мягкая и теплая и ласкаешь меня.

Только в твоих глазах находится нечто совсем особенное.

Я замечаю твою любовь и чувствую эту любовь также у других.

Я должна быть особенной, если могу иметь так много матерей.

Я ни в коем случае не смогу быть успешной в глазах мира.

Но я обещаю тебе нечто другое, что могут только немногие люди.

Так как я знаю только любовь, благо и невинность, нам обоим будет, милая крестная, принадлежать вечность.

Это была та самая мать, которая за несколько месяцев до этого была готова позволить ребенку ползать у плавательного бассейна, в надежде, что он туда упадет и утонет, пока она занята на кухне. Я надеюсь, что вы почувствовали, как изменилась эта женщина.

Это происходит, когда человек понимает: у всего существующего две стороны. Даже если кого-то настигает смертельная болезнь, и он оказывается перед ее лицом в одиночестве, думая, что смерть хочет забрать его во цвете лет, а он на самом деле и не начал еще жить по-настоящему, потом приходит понимание смысла.

Лишь немногие люди принадлежат к тем, кто может отбросить всю свою долго копившуюся злость. Кто может однажды просто сказать: «Я люблю тебя», понимая, что мы здесь лишь на короткий срок. Можно, наконец, сделать вещи, которые действительно необходимы. Многие ли из нас занимаются своей работой по велению сердца? Никто не должен заниматься чем-то только потому, что другие сказали: он должен это делать. Если слушать внутренний голос, вы никогда не заблудитесь и будете знать, что должны делать со своей жизнью.

После того, как я много лет имела дело с умирающими и училась у них жизни, я заметила, что незадолго до смерти они всегда вспоминают о вещах, которые не успели сделать, тогда я стала размышлять над тем, что же на самом деле представляет собой смерть...

В моем лекционном зале состоялся доклад госпожи Шварц, пациентки, которая испытала внетелесные переживания. Мы располагали к 1977 году более чем сотней таких сообщений, записанных в Калифорнии, в Австралии и во множестве других мест. Все они имели общий знаменатель, а именно — то, что упомянутые лица в полном сознании покидали свои физические тела. Той смерти, в которой нас хотят убедить ученые, в действительности вообще не существует. Смерть — это просто выход из физического тела, происходящий таким же способом, как бабочка выходит из своего кокона. Смерть — это переход в новое состояние сознания, в котором души продолжают чувствовать, видеть, слышать, понимать, смеяться и способны к дальнейшему духовному росту. И единственное, что мы теряем при этом преобразовании, именно то, в чем мы больше не нуждаемся, — наше физическое тело. Это так же, как мы убираем старое зимнее пальто при наступлении весны, зная, что оно уже слишком поношено, и мы больше не хотим надевать его. Ни о чем другом речь не идет во время смерти. Ни один из моих пациентов, испытавших околосмертные переживания, не имел потом какого-либо страха перед смертью. Я еще раз хочу подчеркнуть: ни один! Многие такие пациенты говорили, что кроме мира, который устанавливался у них внутри, спокойствия и понимания, они ощущали чувство цельности бытия. Кроме того, каждый, кто во время автокатастрофы потерял ногу и видел ее лежащей на улице, после выхода из своего физического тела вновь чувствовал себя совершенным.

Одна наша пациентка ослепла во время взрыва в лаборатории. Непосредственно после этого она находилась вне своего тела и вновь обрела зрение. Она видела последствия несчастного случая и позже описала, что происходило, когда люди поспешили на место происшествия. Врачам удалось вернуть ее к жизни, но она ослепла. Понимаете теперь, почему многие люди сопротивляются нашим попыткам вернуть их к жизни, когда они находятся в гораздо более удивительном, прекрасном и совершенном месте?

Самый впечатляющий опыт подобных переживаний связан с моей работой с умирающими детьми.

Почти все мои сегодняшние пациенты — это дети. Я отвожу их домой, чтобы они могли там умереть. Я готовлю их родителей, братьев и сестер к этому. У детей огромный страх, что они могут остаться одни в момент умирания, и что им не к кому будет обратиться. Но в то мгновение, когда происходит переход, никто никогда не остается один. Мы не одиноки и в своей повседневной жизни, только об этом никто не знает. Во время умирания наши духовные руководители, ангелы-хранители и все существа, которых мы любили и которые упокоились до нас, ждут нас и помогают нам в нашем превращении. Мы постоянно находим этому подтверждение, так что абсолютно не сомневаемся в подобном факте.

Я утверждаю это, заметьте, как ученый! Всегда кто-то придет на помощь, когда мы переходим из одного изменения в другое. В большинстве случаев речь идет о «упокоившихся» отце или матери, дедушке или бабушке, или же о ребенке, в случае, если он уже умер. Часто мы встречаем тех, про кого не знаем, что они уже находятся «по другую сторону»...

Мы узнали о случае одной двенадцатилетней девочки, которая боялась поделиться с матерью своим удивительным переживанием. Но оно было так неповторимо, что она обязательно должна была о нем кому-то рассказать. Девочка поведала своему отцу, что когда «умерла», испытала такое чудесное переживание, что у нее не было желания возвращаться обратно. Особенным в ее рассказе было то, что кроме безусловной любви и света, которые большинство тоже описывают, с ней рядом был брат, заключивший ее в объятия. Описав все это отцу, она добавила: «Единственное, что меня изумляет: у меня ведь нет брата». После чего отец заплакал и рассказал ей, что у нее действительно был брат,

который умер за три месяца до ее рождения. Об этом ей никогда не сообщали. Понимаете, почему я привела такой пример? Потому что кто-то мог бы сказать: «Она же еще не была мертва. А в момент умирания думают, конечно же, о своих близких, представляя их себе». Но эта двенадцатилетняя девочка ничего не знала о брате.

Всем смертельно больным детям я задаю вопрос, кого они больше всего хотят увидеть, кто любит их больше всего. Естественно, этот вопрос относится к нашей земной действительности. (Многие мои пациенты не являются верующими, из-за чего я также не могу с ними говорить о жизни после смерти. Свои убеждения я, естественно, никому не навязываю.) Я спрашиваю у детей, кого они больше всего захотят увидеть, если должны будут выбрать какого-то одного человека. Девяносто девять процентов из них выбирают «мамочку» или «папочку». Только у афроамериканских детей дело обстоит по-другому. Они часто хотят встретиться с одной из своих тетушек или бабушек, так как те проводят с ними много времени. Но это только культурное различие. И никто из детей, которые решили выбрать «мамочку» и «папочку», позже не рассказывал, что во время своих предсмертных переживаний видел одного из своих родителей, разве только один из них был уже мертв.

Многие люди опять скажут: «Это одна из проекций мысли, принятие желаемого за действительное. Каждый, кто умирает, одинок, он чувствует себя покинутым и, испытывая страх, представляет кого-то, кто его любит». Если бы это утверждение было правдой, тогда девяносто девять процентов моих пяти-, шести— и семилеток должны были видеть своих матерей и отцов. Но ни один из этих детей, о которых мы многие годы собирали сведения, не рассказывал о том, что он во время переживания мнимой смерти видел своего отца или мать, так как они еще были живы.

При рассмотрении вопроса о клинической смерти нами были выявлены два фактора. Первый — те, кого видят по ту сторону, должны уже быть мертвы, даже если их смерть наступила лишь за одну минуту до этого. И второй — с теми, кто встречает «умерших», их связывают подлинные узы любви.

Но я не рассказывала еще до конца историю госпожи Шварц. Нужно добавить, что она умерла через две недели после того, как ее сын закончил школу. Я бы забыла о ней, как об одной из многих моих пациенток, если бы она не посетила меня.

Примерно через десять месяцев после того, как ее погребли, я вновь была сильно рассержена. Мой семинар об умирании и смерти угрожал распасться. Я должна была отказаться от сотрудничества с пастором, с которым вместе работала и которому была очень предана. Новый пастор очень стремился к популярности и поэтому привлек средства массовой информации, что превращало мой семинар в театрализованное представление. Поэтому я не видела смысла дальше принимать участие в подобном фарсе. Все происходящее казалось мне похожим на то, как если бы мы пытались продлевать жизнь, не имеющую смысла. Я больше не могла быть самой собой. Единственный выход, чтобы отдалиться от этой работы, я видела в том, чтобы совсем покинуть университет. Естественно, это было для меня тяжелым испытанием, так как я любила свою работу, но не в том виде, который она приняла. Таким образом, я пришла к решению покинуть университет и сказала себе: «Сегодня же после семинара об умирании и смерти заявлю о своем увольнении». После окончания занятия мы с пастором, как обычно, направились к лифтам. Самым большим недостатком было то, что он был туг на ухо, что только усугубляло мою печаль. На пути из лекционного зала к лифтам я трижды сказала ему, что он должен принять от меня курс. Но он не расслышал мои слова, так как одновременно продолжал говорить о других вещах. Я достигла края отчаяния, а когда я в отчаянии, мне необходимо действовать. Перед тем как подъехал лифт, я схватила его — а пастор был тщедушным мужчиной — за воротник и сказала: «Остановитесь! Я приняла очень важное решение и хочу, чтобы вы об этом знали».

В это мгновение перед лифтом появилась женщина. Я невольно взглянула на нее. Не могу описать, как она выглядела, но можете себе представить, что происходит в душе, когда видишь кого-то, кого совершенно точно знаешь и о ком все же больше ничего не можешь вспомнить. Я сказала ему: «Мой Бог, кто это? Я знаю эту женщину. Она смотрит на меня и ждет, когда вы войдете в лифт, чтобы подойти ко мне». Мои мысли были настолько заняты этой женщиной, что я совершенно забыла о том, что все еще держу пастора за воротник. Мой план расстроился из-за ее появления. Облик женщины был очень прозрачен, однако недостаточно для того, чтобы сквозь нее можно было смотреть. Я еще раз спросила пастора, знает ли он ее, но он мне не ответил, поэтому я больше не мучила его вопросами. Последнее, что я ему еще сказала, было: «Проклятье! Я подойду к ней и скажу, что никак не могу вспомнить ее имя». Это были мои последние слова, перед тем как он вышел.

Как только пастор покинул лифта, женщина обратилась ко мне: «Доктор Росс, я должна была вернуться. Разрешите мне проводить вас до кабинета? Я задержу вас ненадолго». Так примерно она выразилась. И так как она была осведомлена, где мой кабинет, и знала мое имя, я уже не чувствовала беспокойства. Тем не менее, это была самая длинная дорога во всей моей жизни. Я психиатр. Уже долгое время работаю с пациентами-шизофрениками и люблю их. Когда они пересказывают мне свои галлюцинации, я, пожалуй, тысячу раз могу возразить им: «Знаю, вы видите Мадонну на стене. Но я не могу ее видеть». А сейчас я сказала сама себе: «Элизабет, ты знаешь, что видишь эту женщину. Но все же этого не может быть на самом деле».

Можете ли вы войти в мое положение? Всю дорогу от лифта до кабинета я спрашивала себя, правда ли то, что я вижу. Говорила сама себе: «Я просто переутомилась. Мне нужен отпуск. Я должна непременно потрогать эту женщину, чтобы понять, действительно ли она существует». Я коснулась ее, чтобы увидеть, как она рассеется от прикосновения. Потрогала ее кожу, чтобы проверить, теплая она или холодная. Я подавляла даже саму мысль, что это видение в действительности может быть фрау Шварц, которая за несколько месяцев до этого была погребена.

Когда мы вместе подошли к двери, она открыла ее передо мной, как будто я была гостем в своей комнате. И с обезоруживающей вежливостью, мягкостью и любовью сказала: «Доктор Росс, я должна была вернуться по двум причинам. Первая причина — это то, что я хотела выразить свою благодарность вам и священнику Г. (это был замечательный пастор, с которым у меня было идеальное взаимопонимание во всем) за все, что вы для меня сделали. Но собственно главная причина, почему я должна была вернуться, — чтобы сказать вам: вы не должны бросать эту работу, связанную с изучением умирания и смерти, по меньшей мере, пока не должны».

Я смотрела на нее и не могла произнести ни слова. В этот момент я уже верила, что передо мной действительно фрау Шварц, про которую твердо знала: она уже десять месяцев как лежит в могиле. Прежде я просто не верила, что подобные вещи могут происходить.

Наконец я подошла к своему письменному столу. Потрогала все предметы, которые были мне хорошо знакомы. Провела рукой по письменному столу, погладила его поверхность, пощупала стул. Все это было реальным.

И, представьте, я все еще надеялась, что эта женщина, наконец, исчезнет. Но она оставалась на месте и настойчиво повторяла: «Доктор Росс, вы меня слышите? Ваша работа еще не окончена. Мы будем вам помогать. Вы узнаете, когда сможете ее завершить. Но, пожалуйста, не останавливайтесь сейчас. Вы обещаете мне? Ваша настоящая работа только начинается!»

Я тем временем думала: «Бог мой, никто мне не поверит, если я расскажу о том, что сейчас переживаю. Даже мои самые близкие друзья не захотят слушать меня». Тогда я даже не

предполагала, что буду рассказывать об этом нескольким сотням людей. Наконец ученый во мне победил, и я обратилась к фрау Шварц с некоей существенной информацией. А именно, я сказала: «Вы должны знать, что пастор Г. сейчас живет в Урбане. У него там церковный приход и он определенно будет рад получить от вас несколько строк. Вы не имеете ничего против?» И протянула ей карандаш и лист бумаги.

Естественно, у меня не было намерения отправлять эти строки моему другу. Но я нуждалась в научном вещественном доказательстве, так как само собой подразумевается, что никто из погребенных не может писать письма. Но эта женщина с ее преисполненной любви улыбкой, казалось, могла читать все мои мысли. Взяв бумагу, она написала пару строк, и, естественно, потом мы поместили этот листок в рамку и храним как величайшую ценность. Затем она поинтересовалась, хотя ее губы не шевелились: «Теперь вы удовлетворены?» Я пристально смотрела на записку и думала про себя: «Я не могу ни с кем поделиться своим переживанием, но буду хранить этот лист бумаги». Когда фрау Шварц собралась уходить, она повторила еще раз: «Доктор Росс, вы обещали мне, не так ли?», имея в виду продолжение моей работы. И я ответила: «Да, обещаю». И в то самое мгновение, как я произнесла эти слова, она исчезла. Мы до сих пор храним записку, написанную ее рукой.

Полтора года назад мне сообщили, что моя работа с умирающими теперь завершена. Ее могут продолжить другие. И она не была той миссией, ради которой я пришла на Землю. Это был лишь экзамен, чтобы убедиться: я могу справиться с любыми трудностями. Его я выдержала. Второй экзамен состоял в том, чтобы проверить, вскружит ли мне голову слава. И с ним я справилась. Но моя настоящая задача состоит в том — и здесь я нуждаюсь в вашей помощи — чтобы сообщить людям: смерти нет. Очень важно, чтобы человечество знало об этом, так как нас ждут тяжелые испытания. Виной тому — наша собственная страсть к разрушению: атомное оружие, корыстолюбие, материализм, загрязнение окружающей среды, невежество в духовных вопросах. Я преувеличиваю — чуть-чуть, но не слишком. Единственное средство, которое в состоянии вызвать изменения в новом тысячелетии, состоит в том, что Земля начнет содрогаться, чтобы нас всех встряхнуть.

Вы должны об этом знать, но не должны бояться. Если вы целиком и полностью откроете себя Высшему и отбросите страх, вас ожидает откровение. Все находящиеся в этом пространстве могут к нему приобщиться. Не нужно искать гуру, вы не должны ехать в Индию, не понадобится даже курс медитации. Не нужно делать ничего другого, кроме как учиться находиться в тишине и в контакте с самим собой. И это не будет стоить вам ни единого пфеннига. Соединитесь с вашим собственным «Я», и вы сможете преодолеть любой страх. А возможность больше не ощущать страха состоит в знании: смерти нет и все, что нам встречается в жизни, служит определенной цели. Отбросьте весь свой негатив и начните воспринимать жизнь как вызов, как пространство экзаменов, призванных проверить ваши внутренние способности и силу.

Случайностей не бывает. Бог не карающее, осуждающее существо. Каждый человек после своей смерти сможет испытать чувство мира, сбалансированности и целостности. Его встретят люди, которых он любил. И каждый из нас увидит «фильм» в котором вновь отразятся все наши земные дела, слова и мысли. И это будет наш суд над самими собой. Потусторонний ад или потусторонние небеса мы создаем прямо сейчас — избранным нами образом жизни.

Жизнь, смерть и жизнь после смерти

Я хочу поделиться с вами опытом, связанным с жизнью, смертью и жизнью после смерти,

который мы получили на протяжении последних десятилетий, после того как начали серьезно изучать эту область. На протяжении долгого времени мы занимались умирающими пациентами и нам стало ясно: человечество, несмотря на свое присутствие на Земле в течение миллионов лет, все еще не получило ясного ответа относительно, вероятно, самого важного вопроса, а именно — о значении и цели жизни и смерти.

Я хотела бы теперь поделиться результатами наших исследований в области изучения смерти и жизни после смерти. Я считаю, что наступило время, когда все то, что мы обнаружили, должно быть переведено на общедоступный язык, понятный всем людям. Чтобы это могло принести пользу тем, кто потерял своих близких. Знание о подобных вещах также очень важно, когда речь идет о необходимости поддержать умирающего и его семью. Мне часто задают вопрос: «Что такое жизнь? Что такое смерть? Почему должны умирать дети, особенно совсем маленькие?»

Мы до сих пор по различным причинам не публиковали результаты наших исследований. Мы уже давно изучаем опыты предсмертных переживаний, но всегда учитывали важный момент: речь идет «только» о предсмертном переживании, а не о «настоящей» смерти. Пока мы еще ничего не знаем о том, что случается с человеком, когда он окончательно переходит рубеж. Единственное, что я опубликовала на эту тему до сих пор: письмо, написанное мною одному девятилетнему больному раком мальчику с юга Соединенных Штатов. Он задал мне очень важный и очень распространенный вопрос: «Что такое жизнь? Что такое смерть? И почему должны умирать маленькие дети?»

Человечество уже давно находится в тесном контакте со всем, что касается смерти, и верит в небеса и в жизнь после смерти. Но примерно сто лет назад начался процесс, вследствие которого все меньше людей уверены в том, что всех нас, после того как мы покидаем физическое тело, ожидает жизнь после смерти. Но мы находимся сейчас как раз в новом тысячелетии духовных (в противоположность материальным) ценностей. Речь идет не только о религиозности. В гораздо большей степени мы понимаем под этим осознание, понимание того, что есть нечто намного большее, чем мы, что создало эту Вселенную и жизнь, и что мы в этом творении также являемся важной и совершенно определенной частью, которая способствует развитию целого и в состоянии внести свой вклад.

Каждый из нас с момента своего рождения из божественного источника отмечен божественной искрой. Мы несем в себе часть источника бытия. И благодаря этому мы бессмертны. Многие люди приходят к пониманию, что физическое тело представляет собой лишь дом, храм или — как мы часто говорим — кокон, в котором душа обитает определенное количество лет, пока не переходит в другое состояние, которое описывается как смерть. И когда последняя наступает, выходит из кокона и устремляется на свободу, как бабочка, если следовать метафорическому ряду, который мы используем, когда говорим на эту тему с умирающими детьми, их братьями и сестрами.

Последние двадцать лет я занималась главным образом умирающими пациентами.

Когда я только приступила к работе, то не была заинтересована вопросом существования жизни после смерти, и мне было совершенно ясно лишь то, что смерть действительно существует, мои медицинские знания неоспоримо подтверждали это. Если разбираться с определением смерти, то можно обратить внимание на то, что речь обычно идет только о физическом теле, как будто человек состоит только из одного этого «коккона». Я принадлежала к тем ученым, которые подобную точку зрения никогда не ставили под сомнение. Определение смерти приобрело особое значение и актуальность в шестидесятые годы XX века, когда начала развиваться трансплантация органов, главным образом таких, как печень и сердце, и встал вопрос, в какой момент мы уполномочены с этической и законодательной точки зрения взять органы одного пациента, чтобы пересадить их другому и тем самым спасти его жизнь. Возникли большие проблемы в судебной практике: врачам

предъявляли иски, с одной стороны, люди, которые утверждали, что их член семьи был еще жив, когда у него изымали соответствующий орган, с другой же стороны, их обвиняли, что они слишком медлили с трансплантацией, понапрасну продлевая жизнь донора.

Общества страхования жизни также стимулировали обсуждение этого вопроса. Если в следствии несчастного случая гибнет семья, часто крайне важно знать, кто умер первым, даже когда речь идет лишь о минутах. В данном случае все вращается вокруг денег и вопроса, кому они достанутся. Излишне говорить, что меня эти дразги, связанные со смертью, всегда оставляли равнодушной. Однако в связи со своей работой я была вынуждена сталкиваться с подобными проблемами.

От природы я скептик. И если бы не мой опыт, вряд ли когда-нибудь заинтересовалась бы возможностью жизни после смерти. Но определенные факты, которые часто повторялись, не оставили мне другого выбора, как обратиться к этой проблеме. Я очень удивлялась тому, что еще никто не озаботился вопросом смерти настолько, чтобы его серьезно исследовать: даже не по определенным научным соображениям, или исходя из юридического интереса, а просто из-за естественного любопытства.

Ежедневно во всем мире умирают люди. И, тем не менее, наше общество, которое настолько развито, что смогло отправить человека на Луну и вернуть его назад живым и здоровым, не предприняло никаких усилий, чтобы изучить смерть и дать актуальное и всеохватывающее ее определения. Разве это не удивительно?

В то время когда я находилась в процессе работы с умирающими и продолжала преподавательскую деятельность, мои студенты и я решили, что хотим попробовать поискать соответствующее современному мышлению всеобъемлющее определение смерти. В Библии сказано: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам». Другими словами: учитель появится, когда ученик будет готов. Так и получилось. Уже через неделю после того, как мы поставили этот важный вопрос и обязали самих себя найти ответ на него, нас посетила одна медицинская сестра, которая поделилась с нами своим переживанием. Оно было связано с женщиной, которая уже в пятнадцатый раз лежала в отделении интенсивной терапии. Так же как и раньше, все считали, что теперь-то она, скорее всего, умрет. Эта пациентка и стала первым зафиксированным нами случаем, связанным с предсмертными переживаниями.

Занимаясь этой женщиной, я стала обращать пристальное внимание и на других умирающих больных — на все необъяснимые феномены, которые проявлялись обычно незадолго до их смерти. Многие начинали «галлюцинировать» и «общаться» с умершими ранее дорогими им людьми. Что касалось меня, то я не могла ни слышать, ни видеть этих «других». Я лишь могла наблюдать, что даже раздраженные и тяжелые пациенты совсем незадолго перед смертью внезапно расслаблялись, и от них исходил торжественный покой, в это время боли прекращались, хотя их тела из-за раковой опухоли были поражены метастазами. Также я могла наблюдать, что непосредственно после кончины лица моих пациентов были исполнены выражением невероятного умиротворения, спокойствия и торжественной радости. Этому я не могла себе объяснить, главным образом потому, что речь шла о случаях смерти, незадолго до которой больной находился в состоянии ярости или депрессии.

Мое третье и, вероятно, самое субъективное наблюдение я сделала благодаря тому, что всегда имела с моими пациентами тесный контакт, и это позволяло мне устанавливать отношения, наполненные любовью и сердечностью. Уже через несколько минут после их кончины мои чувства к ним проходили. Я удивлялась этому и спрашивала себя: все ли со мной в порядке. Когда я наблюдала их на смертном одре, у меня была твердая уверенность в том, что мертвое тело только оболочка, и мой любимый пациент больше не лежит на этой постели.

Естественно, я не могла объяснить себе это как ученый и просто старалась забыть обо всем. Подобную позицию я, должно быть, сохранила бы и в дальнейшем, если бы не фрау Шварц.

Ее муж страдал от шизофрении. Каждый раз, когда у него был приступ, он пытался убить своего сына, который как самый младший из их детей все еще жил дома. Пациентка была убеждена, что если она слишком рано умрет, ее муж может потерять контроль над собой, из-за чего жизнь ее младшего ребенка окажется под угрозой. С помощью социальной организации нам посчастливилось передать сына фрау Шварц на попечение одного из членов ее семьи. Тогда женщина покинула больницу с большим облегчением и с утешительной мыслью, что даже если она сама не проживет долго, то, по меньшей мере, ее сын находится в безопасности.

Как раз именно эта пациентка вернулась приблизительно через год в нашу больницу, чтобы рассказать о своем опыте внетелесного переживания — переживания мнимой смерти. Подобные случаи описаны в последние годы во многих книгах и статьях, и вследствие этого о них стало известно широкой общественности. Вот, что рассказала нам фрау Шварц. Она была доставлена в местную больницу в штате Индиана, так как находилась в слишком критическом состоянии, чтобы ее можно было транспортировать в больницу в отдаленном Чикаго. Женщину положили в отдельную палату. И как раз в тот момент, когда она раздумывала над тем, сопротивляться ли ей смерти из-за сына или покориться судьбе, она увидела медсестру, которая вошла в палату, посмотрела на нее, а затем стремительно выбежала. Внезапно фрау Шварц увидела, как она медленно и в полном душевном спокойствии выскальзывает из своего физического тела и парит на определенном расстоянии над кроватью. С чувством юмора рассказывала она нам, как с некоторой дистанции смотрела на свое распростертое внизу тело, которое выглядело бледным и отталкивающим. При этом женщина хоть и была поражена происходящим, но не чувствовала себя испуганной. Она увидела, что в палату ворвалась реанимационная бригада. Фрау Шварц поведала во всех подробностях, кто из врачей появился первым, а кто последним. Она могла не только ясно слышать, о чем они говорят, но и была в состоянии читать мысли каждого. У нее было сильное желание крикнуть, что им не нужно так торопиться, так как у нее все хорошо. Но чем отчаянней она старалась им это сообщить, тем усерднее врачи хлопотали над ее телом, не слыша ни одного ее слова. После этого фрау Шварц решила прекратить свои усилия и тут же потеряла, как она дословно выразилась, сознание. Она была признана мертвой, но реанимационные работы продолжались в течении сорока пяти минут. Только позже, к удивлению врачей и медицинских сестер, она подала вновь признаки жизни и прожила после этого еще полтора года. С моими студентами и со мной она поделилась этим переживанием на одном из семинаров.

Излишне, пожалуй, упоминать здесь, что это было для меня абсолютно новым опытом, так как до этого я никогда не слышала о переживании мнимой смерти, хотя на протяжении многих лет работала врачом. Мои студенты были удивлены, что я это переживание не классифицировала как галлюцинацию, иллюзию или чувство деперсонификации. У них была огромная потребность как-то определить этот процесс, чтобы идентифицировать его и больше к нему не возвращаться. Переживание фрау Шварц, как мы знаем теперь, не было уникальным случаем.

Мы надеялись тогда на то, что нам удастся собрать достаточно информации, чтобы понять, является ли переживание мнимой смерти часто встречающимся, редким или вообще единичным событием, которое пережила лишь одна фрау Шварц.

Едва ли я должна указывать на то, что уже известно всем: очень многие исследователи паранормальных феноменов, врачи и психологи начали исследовать случаи, подобные этому. И фактически за последние десять лет по всему миру были собраны более двадцати пяти тысяч подобных случаев.

Возможно, будет уместно, если я расскажу, что переживают все эти клинически мертвые, как только их телесные функции угасают. Мы называем это опытом мнимой смерти или предсмертным переживанием. Я хотела бы позже сказать и о том, что происходит с теми, кто не возвращается. Важно знать, что из всех тех пациентов, чье сердце остановилось и вновь стало биться только после реанимационных мероприятий, только у одного из десяти остается полное воспоминание о переживании, которое он испытал во время остановки жизненных процессов. Это не должно нас удивлять ввиду известного факта: только незначительный процент людей помнит свои сны.

Мы собирали случаи предсмертных переживаний не только в Соединенных Штатах, но также в Канаде, Австралии и других странах мира. Самый юный человек, чье переживание мы зафиксировали, был двух лет от роду, самый старый достиг возраста девяноста семи лет. В нашей коллекции находятся предсмертные переживания людей различной культурной и религиозной принадлежности, например, эскимосов, аборигенов Гавайев и Австралии, индусов, буддистов, протестантов, католиков, иудеев, и также тех, кто не принадлежит ни к какой религии, называя себя агностиком или атеистом. Для нас было важно собрать такие разные случаи, чтобы наша доказательная база была более весомой. В ходе исследований мы выяснили, что предсмертное переживание свободно от влияния того, предшествовал ли ему несчастный случай, убийство, самоубийство или болезнь. Более половины изученных случаев относится к переживаниям, которые возникли после внезапно наступившей мнимой смерти, к которой люди не имели времени подготовиться.

После всех этих лет сбора информации мы можем выделить следующие закономерности.

В момент смерти мы все испытаем отделение настоящего, бессмертного «Я» от своего временного дома, а именно — физического тела. Это бессмертное «Я» называют также душой или сущностью. Или, если выражаться символически, как мы делаем это в разговорах с детьми, освобожденное от земного тела «Я» можно сравнить с выскальзывающей из кокона бабочкой. Как только мы покидаем физическое тело, мы замечаем, что нас не охватывает ни паника, ни страх, мы освобождаемся от всех забот. Мы все время ощущаем себя полностью телесной единицей. Мы осознаем, что находимся на месте происшествия, где произошел несчастный случай и смерть, все равно, идет ли речь о больничной плате или о нашей собственной спальне, в которой нас поразил инфаркт, или же это была местность, на которой произошла автомобильная авария или авиакатастрофа. Мы можем отчетливо видеть, например, членов реанимационной бригады или группу прохожих, которая наблюдает за освобождением раненого или изуродованного тела из обломков автомобиля. Мы смотрим на все это с небольшого расстояния.

Эти процессы происходят очень часто как раз тогда, когда или мозговые волны, которые могут показывать, что мозг еще функционирует, уже не поддаются измерению, или врачи больше не могут установить никаких признаков жизни. В эти моменты мы воспринимаем разговоры присутствующих, читаем их мысли, отмечаем их особенности, рассматриваем одежду, совершенно не ощущая того, что испуганы или поражены всем случившимся.

Наше второе тело, в которое мы перешли к этому времени и которое воспринимаем таковым, не психическое, а эфирное. Позже я расскажу еще о различиях между физической, психической и духовной энергиями, которые создают это тело. В этом втором преходящем теле мы осознаем себя как телесно полноценное существо. Если были ампутированы ноги, человек снова может «ходить». Глухонемой может слышать, говорить и петь. Если мы из-за рассеянного склероза были прикованы к инвалидному креслу, наше зрение было расплывчато, а язык заплетался, и мы были не способны пошевелить ногами, мы можем опять петь и танцевать.

Понятно, что многие наши пациенты, которых успешно вернули к жизни, не всегда были благодарны за то, что бабочку опять затащили в кокон, ведь, находясь на другой стороне, они

избавились от боли и увечий.

Многие мои коллеги верят, что это состояние объясняется проекцией желаний пациента. Но если мы кого-то на протяжении многих лет наблюдали полностью парализованным, глухим, слепым, тогда он наверняка жаждал момента, когда его страдания окончатся, а не мечтал о невозможном. То, что в имеющихся у нас случаях наверняка речь не идет о проекции подавленных желаний, мы можем увидеть и в следующих фактах.

Первое: половина из собранных нами описаний предсмертных переживаний является следствием несчастного случая, когда застигнутые им люди не могли предвидеть, что им предстоит. Как, например, один пациент потерял обе ноги после того как его переехал автомобиль, водитель скрылся с места происшествия. Как только он оказался вне физического тела и увидел его лежащим на улице с изуродованными ногами, он ощутил себя в совершенном эфирном теле, у которого обе ноги были в порядке. Мы не можем предположить, что жертвы несчастного случая уже наперед знают, что они потеряют свои ноги, чтобы запрограммировать в своих желаниях их обретение.

Но есть второе и более простое доказательство того, что при этих предсмертных переживаниях тезис о проекциях желаний исключается. Речь идет о слепых, которые во время предсмертных переживаний начинают видеть. Если бы они в этот момент действовали только в рамках проекции своих желаний, то были бы не в состоянии рассказать о цвете пуловера или фасоне галстука, которые носили присутствующие в тот день. Мы опросили нескольких слепых. Они были не только способны сказать нам, кто первый зашел в комнату или кто проводил реанимационные мероприятия, но и со всеми подробностями описать внешность и предметы одежды всех присутствовавших, чего никогда не смогли бы сделать в реальной жизни.

Кроме отсутствия боли и осознания телесного совершенства люди в этих идеальных телах, которые можно определить как эфирные, осознают, что никто не может умереть в одиночестве. На это есть основания.

И когда я говорю «никто», то я подразумеваю даже того, кто находится один за несколько сотен километров вдали от других людей и умирает от жажды в пустыне. Или я думаю об астронавте, который в космическом корабле бесцельно парит во Вселенной, после того как его миссия не удалась, и до тех пор, пока, наконец, его не настигнет смерть.

Не только от взрослых, но и от многих детей, больных раком, которые готовятся к смерти, мы узнаем, что они могут покинуть свое физическое тело и таким образом — как мы это называем — переживают внетелесный опыт. У всех есть такие внетелесные переживания во время определенных фаз сна, но только очень немногие осознают их. Умирающие дети, особенно такие, которые уже внутренне готовы к смерти, оказываются гораздо более духовно зрелыми, чем здоровые дети, и осознают эти короткие выходы из своего тела. Это приходится очень кстати при их переходе, так они легче начинают взаимодействовать с новым окружением, в которое попадают.

Сразу после выхода из тела, как нам рассказывали умирающие дети и взрослые, они замечали присутствие существ, которые встречали их, чтобы помочь. Маленькие дети называли их «Невидимыми друзьями». Церковь дала им имя «ангел-хранитель», в то же время они описываются многими исследователями как «Духовные учителя». Это неважно, как мы их называем. Но важно знать, что каждый человек с момента своего первого вздоха до момента, когда оканчивается его физическое существование, окружен духовными руководителями и ангелами-хранителями, которые ждут его и помогают при переходе из одной жизни в другую — по ту сторону от смерти.

Также нас будут встречать те, кто умер до нас и кого мы когда-то любили. Среди

встречающих мы увидим, например, наших детей, которых потеряли, или дедушек и бабушек, отца, мать и всех тех, кто был нам близок в земной жизни.

Третья причина, почему во время нашего перехода мы не будем одни, это то, что после того, как мы выскальзываем из земного тела — что, собственно, и должно происходить перед настоящей смертью — мы находимся в таком бытии, в котором нет пространства и времен и в котором мы можем отправиться со скоростью мысли туда, куда пожелаем.

Маленькая Сюзи, заболевшая лейкемией, которая лежит в больнице при смерти, каждый день окружена заботой матери. И малышке совершенно ясно, что ей раз от разу все тяжелее будет расставаться с матерью, которая прислоняется к решетке ее маленькой кровати и иногда шепчет: «Любимая, не умирай. Не причиняй мне эту боль. Я не смогу жить без тебя». Эта мать — а она олицетворяет многих из нас — отягощает совесть умирающего ребенка чувством вины. И Сюзи, которая во время сна и даже бодрствования уже покидала свое тело, летает в полном смысле слова везде, куда только хочет. И одновременно ей стало доступно чувство тотальной любви и осознание своего посмертного существования как продолжения жизни, она просит свою мать о том, чтобы та покинула больницу. Дети говорят в этой ситуации: «Мамочка, ты выглядишь очень усталой. Почему ты не пойдешь домой, не примешь душ и не ляжешь спать? Действительно, иди, я хорошо себя чувствую». И через полчаса может зазвонить телефон у них дома, и кто-то из больницы скажет: «Нам очень тяжело вам сообщать об этом, фрау, но ваша дочь только что умерла».

К несчастью, таким образом они отягощают родителей ужасным чувством вины. Те упрекают себя, что они еще полдня не задержались у смертного одра, чтобы в момент смерти быть со своим ребенком. Эти родители в большинстве случаев не знают, что никто не может умереть в одиночестве. Так как наша маленькая Сюзи освобождена уже из своего земного заключения. Она со скоростью мысли уже поспешила к своим мамочке и папочке или к тому, к кому она всегда чувствовала себя привязанной.

Мы все несем божественную искру, как я уже упоминала. Мы получили этот подарок много миллионов лет назад. Кроме предоставленной тогда свободы воли нам была передана способность покидать физическое тело, и не только в момент смерти, но и в периоды жизненных кризисов, во время чрезвычайных обстоятельств и определенных фаз сна.

Виктор Франкл написал удивительную книгу «Сказать жизни „Да“», в которой он описал свой опыт существования в концентрационном лагере. Он, вероятно, самый известный ученый, который изучал внетелесные переживания. Несколько десятилетий назад, когда человек действительно еще мало интересовался подобными темами, Франкл собирал сообщения людей, которые перед предполагаемой смертью видели, как вся предыдущая жизнь проносится, как фильм, перед их глазами. Таким образом, он пришел к следующему выводу: во время внетелесных опытов времени как такового не существует. У многих людей незадолго до утопления или в другой опасной ситуации было подобное переживание.

Наши исследования в этой области были подтверждены научными экспериментами, которые проводились в сотрудничестве с Робертом Монро, автором книги «Человек с двумя жизнями», в условиях лаборатории. Их достоверность оценивали несколько ученых из Фонда Меннингера из Топики. Все больше исследователей повторяют наши эксперименты и приходят к тем же выводам. Естественно, первоначально было сделано теоретическое допущение возможности существования дополнительного измерения, хотя этот факт и тяжело совместим с нашим трехмерным научным мышлением.

Мы также нашли доказательства, подтверждающие, что существуют духовные руководители и ангелы-хранители, которые принадлежали к семье умирающего, умерли раньше него и приветствуют его во время перехода. Но как же можно научно доказать эти так часто повторяющиеся утверждения?

Для меня, как для психиатра, было интересно обнаружить, что тысячи людей повсюду на этой земле перед своей смертью имели аналогичные галлюцинации, во время которых они чувствовали присутствие своих родственников и друзей, которые умерли перед ними. Мы попытались найти возможности, чтобы перепроверить эти утверждения и доказать их правильность, или разоблачать их как простые проекции желаний пациента.

Мы верили, что сможем изучить эту проблему лучшим образом, сидя у постелей умирающих детей, доставленных в больницу после автокатастроф, в которых пострадали их семьи. Эти исследования мы проводили в большинстве случаев после праздника 4 июля, дня Труда, дня Поминования и в конце недели, когда семьи в полном составе передвигаются на дорогах в своих семейных автомобилях. В эти дни слишком часто происходят лобовые столкновения, во время которых некоторые члены семьи сразу погибают, а остальных доставляют с ранениями в больницы. Я стараюсь уделять внимание, прежде всего, смертельно раненым детям. Обычно умирающий еще не информирован о том, кто из остальных родственников уже умер из-за несчастного случая. И меня всегда поражает, что они совершенно точно знают, кто из близких уже умер. Я сижу возле них, наблюдаю за ними потихоньку, беру их за руку. Незадолго до смерти их часто наполняет торжественное спокойствие, что всегда является важным признаком. В этот момент я спрашиваю, готовы ли они и способны ли поделиться со мной своими настоящими переживаниями. И они часто отвечают схожими словами, как тот ребенок, который сказал мне: «Теперь все в порядке. Моя мама и Питер уже ждут меня». Я уже знала к тому времени, что его мать умерла на месте несчастного случая, но то, что его брат Питер уже умер, мне еще не сообщили. Через некоторое время я позвонила в детскую больницу. Мне сообщили, что Питер умер десять минут назад.

На протяжении всех лет, когда мы собирали эти случаи, ни один ребенок не упомянул члена своей семьи, который не был бы мертв на тот момент. Я не могу объяснить этот факт ничем другим и присоединяюсь к утверждению, что умирающие осознают присутствие умерших членов семьи. Те ждут своих близких, чтобы воссоединиться с ними по другую сторону существования.

Иное переживание затронуло меня еще больше, чем те, описания которых я слышала от детей. Речь идет о случае одной американской индианки. О взглядах американских индейцев на смерть и умирание известно немного, они редко обращаются к этой теме. Эту юную девушку сбил на автострате автомобиль, водитель скрылся с места аварии. Незнакомый мужчина становился, чтобы помочь ей. Она сказала ему, сохраняя полное спокойствие, что он не может больше для нее ничего сделать, за исключением одного — если он случайно окажется вблизи индейской резервации, то пусть найдет ее мать и передаст ей послание. Мужчина должен был сообщить, что у нее теперь все в порядке, и она чувствует себя счастливой, так как находится сейчас со своим отцом. Затем она умерла на руках этого человека, который был настолько взволнован произошедшим, что сразу отправился в резервацию, хотя она находилась далеко от запланированного им маршрута. Когда он прибыл в описанную индейскую деревушку, он узнал от матери девушки, что отец умершей всего за час до происшедшего с его дочерью несчастья скончался от остановки сердца.

Нами собрано множество случаев, подобных этому, когда умирающие пребывали в неведении о смерти одного из членов семьи, и тем не менее, как они свидетельствовали, он встречал их по ту сторону. Эти пациенты не фантазировали, чтобы убедить нас в том, что смерти нет, они делились с нами этим переживанием только как фактом. Если вы сами готовы к тому, чтобы непредвзято отнестись к подобным вещам, тогда у и вас будут собственные соответствующие опыты.

В каждой аудитории из восьмисот человек находятся как минимум двенадцать тех, у кого были такие предсмертные переживания и кто готов ими поделиться, если вы способны отнестись к ним непредвзято, не навешивая на них ярлык психиатрического заболевания. Единственная причина, по которой эти люди вернулись назад, — желание поделиться с

другими своим переживанием, но в нашем обществе принято отвергать, а то и высмеивать такие рассказы, так как они не укладываются ни в научную, ни в строго религиозную концепции. События, подобные тем, о которых я вам рассказала, также могут быть связаны с какой-либо критической жизненной ситуацией.

Самый драматический и постоянно приходящий мне на память случай того, как исполняется библейское «Просите, и дано будет вам» связан с предсмертным переживанием одного мужчины, которого вся его семья в уик-энд на день Поминовения должна была забрать с места работы, чтобы посетить их родственников за городом. Когда семейный автобус, в котором сидели родители его жены, жена и их восемь детей, находился уже на пути к нему, произошло столкновение с бензовозом. Бензин вылился, и тотчас же произошло возгорание, вся семья погибла в считанные мгновения. После того, как мужчина узнал о несчастье, на протяжении нескольких недель он находился в состоянии шока и оцепенения. Он больше не мог ходить на работу и был не в состоянии с кем-либо разговаривать. Он начал выпивать, а потом пристрастился к героину и другим наркотикам, надеясь заглушить свою боль. Этот человек был больше не способен работать и оказался, наконец — в прямом смысле слова — в сточной канаве.

Во время моих командировок я остановилась в Санта-Барбаре, чтобы прочитать два доклада на тему «Жизнь после смерти». Медицинский персонал больницы попросил меня о третьем докладе, и я согласилась. Стоило мне произнести вводные слова, как я почувствовала, что не хочу рассказывать опять те же самые истории. Я сказала самой себе: «О Боже, почему ты не пошлешь мне кого-нибудь из круга слушателей, кто испытал бы предсмертное переживание и хотел бы поделиться им с другими, чтобы я могла сделать паузу, а аудитория услышала бы сообщение из первых рук, вместо того чтобы опять внимать моим старым историям. И тут организатор группы передал мне листок, это была записка от мужчины, живущего в ночлежке для бродяг. Он просил, чтобы я дала ему возможность рассказать о предсмертном переживании. Я прервала доклад и послала к нему курьера. И уже несколькими минутами позже, после спешной поездки на такси, этот человек предстал перед публикой. Но вместо опустившегося бродяги, каким я его себе представляла, зная его местопребывание, мы увидели хорошо одетого, интеллигентного мужчину, который вступил на подиум и начал свой рассказ.

Он вспомнил о том, как радовался уик-энду с семьей, и какое трагическое несчастье их постигло. Рассказал в каком шоке он пребывал, лишившись одновременно всех своих близких. Мужчина описал, как он не мог пережить этот удар судьбы и как в результате из хорошо зарабатывающего, принадлежащего к среднему классу мужа и отца превратился в полностью опустившегося бродягу, который с ночи до утра был пьян и постоянно употреблял наркотики. Как он предпринимал все, чтобы угробить себя каким-нибудь образом, но, тем не менее, потерпел неудачу. Его последним воспоминанием опустившегося человека, когда он уже на протяжении двух лет был бездомным, стала следующая сцена: совершенно пьяный и ничего не соображающий он лежал на грязной дороге. У него было только одно желание, а именно — вновь воссоединиться со своей семьей. Когда он увидел приближавшийся грузовик, то не нашел в себе силы отползти в сторону, и машина его переехала.

В тот же самый момент, он очутился в паре метров от места происшествия и увидел свое тело, лежащее посреди дороги. И в этот же миг перед ним появилась его семья. Они были окружены сиянием и мужчина почувствовал невероятную любовь. С радостными улыбками на лицах они бросились друг к другу. Общение происходило с помощью передачи мысли. Они поделились с ним своей радостью от того, что теперь они вновь вместе.

Бездомный не мог сказать нам, как долго продолжалась встреча с членами его семьи. Но он был так потрясен их здоровьем, красотой, сиянием, полным принятием своего настоящего положения и их безусловной любовью, что решил не идти с ними вместе, а вернуться, чтобы поделиться с миром этим переживанием и постараться изменить свою жизнь. Затем он вновь

увидел себя на месте несчастного случая и наблюдал, как водитель укладывает его тяжело раненное тело в грузовик, как, наконец, с большим шумом прибывает машина скорой помощи, а затем его транспортируют в больницу, где укладывают на кушетку. Там он находился в реанимации, когда, наконец, вернулся в свое тело. Мужчина тут же покинул отделение. Он почувствовал себя исцеленным и был внутренне убежден, что не умрет до тех пор, пока не поделится своим переживанием как можно с большим количеством людей. Прочитав в газете заметку о моем появлении в Санта-Барбаре, он решил послать мне записку. В то время как я попросила его поделиться с нами своим переживанием, он понимал, что нужно исполнить решение, которое он принял во время своей короткой встречи с семьей.

Мы не знаем, что с тех пор случилось с этим мужчиной. Но я никогда не забуду блеск в его глазах, большую радость и огромную благодарность. Благодарность за то, что он смог рассказать о своем переживании, не подвергаясь насмешкам, и передать слушателям свое глубокое убеждение в том, что наше физическое тело — это только преходящая оболочка, которую «одевает» на время наше бессмертное «Я».

Теперь остается лишь один вопрос: что происходит после смерти?

Мы изучали случаи маленьких детей, которые не читали ни книгу Моуди «Жизнь после смерти», ни газетные статьи и ничего не могли знать о сообщениях, подобных тому, о котором рассказал вышеупомянутый мужчина. Даже двухлетний ребенок был способен поделиться с нами своим переживанием, которое он принял за смерть. Я уже говорила о том, что во время подобного опыта люди различных конфессий могут испытывать переживания, окрашенные их религиозными убеждениями. Случай этого двухлетнего ребенка может, наверное, послужить наилучшим примером.

После инъекции врача в процедурном кабинете маленький мальчик впал в сильнейший аллергический шок, и его даже посчитали мертвым. Пока врач и мать ожидали появления вызванного отца, последняя обнимала своего маленького мальчика, заливаясь слезами. Через некоторое время, которое показалось ей вечностью, ребенок открыл глаза и сказал словами, которые больше подошли бы старому мудрому человеку: «Мамочка, я был мертв. Со мной были Иисус и Мария. И Мария сказала мне несколько раз, что мое время еще не пришло и я должен вернуться назад на Землю. Но я не хотел ей верить. Как только она заметила, что я не хочу ее слушать, она взяла меня за руку и повела прочь от Иисуса, сказав при этом: „Питер, ты должен вернуться. Ты должен сохранить свою мать от огня“». Мальчик добавил: «Ты знаешь, мамочка, как только она мне это сказала, я бежал всю дорогу к тебе».

На протяжении тринадцати лет мать была не способна говорить с кем-либо об этом событии. Она была очень подавлена, так как неправильно истолковала предсказание Марии.

Она поняла это указание таким образом: сын однажды должен будет спасти ее от огня, то есть от вечного ада. Это не укладывалось в ее голове, так как она считала себя хорошей христианкой. Я попыталась ей объяснить, что она неверно истолковала символические слова. Речь в послании шла о неповторимом и удивительном подарке Марии: все на духовном уровне являются носителями тотальной и безусловной любви и поэтому не могут никого осуждать или критиковать — в противоположность нам, людям, которым очень не хватает подобных качеств. Я попросила женщину на миг оставить мысли и разрешить своей духовной и интуитивной составляющей ответить на простой вопрос: «Как бы вы себя чувствовали, если бы Мария тринадцать лет назад не отправила к вам обратно вашего Питера?» Она схватилась обеими руками за свои виски и закричала: «Ради Бога! Я должна была бы пройти через ад». Само собой разумеется, после этого я уже не должна была задавать ей еще один вопрос: «Понимаете вы теперь, от какого огня Мария вас сохранила?»

Священное Писание обладает богатой символикой. И если бы люди больше слушали свою интуитивно-духовную часть, и мудрость этого удивительного источника познания не была бы

отравлена их собственным страхом, чувством вины, стремлением наказать других или самих себя, тогда они могли бы начать понимать удивительный символический язык умирающих, когда те стремятся доверить нам свои знания.

Я не буду указывать на то, что еврейский мальчик вряд ли встретит Иисуса, в то время как протестантский ребенок едва ли сможет увидеть Марию. Это не значит, что подобные существа не будут заботиться о других детях-иноверцах, просто каждый из нас получает то, что для него является самым необходимым. Мы встречаем по ту сторону тех, кто нам наиболее дорог.

После того, как нас встречают родственники и друзья, а также духовные руководители и ангелы-хранители, мы проходим символический путь, который чаще всего описывается как тоннель. Для одних это переправа через реку, для других — проход через некие врата. Подобные переживания связаны с внутренней символикой человека. Во время собственного подобного опыта, я шла через горный перевал, покрытый ковром из прекрасных цветов, созерцание которых в пору моей юности в Швейцарии давало мне так много радости и счастья. Представления о небесах зависят от культуры или религиозной традиции, к которой мы принадлежим.

Пройдя этот отрезок пути, мы приближаемся к источнику света, который описывали многие пациенты и которому я сама пошла навстречу. Это прекрасный и незабываемый опыт, который часто называют приобщением к Космическому Сознанию. В присутствии этого Света, который большинством людей в нашей западной культуре описывается как Христос, Бог или Любовь, мы окружены безусловной любовью, высшим пониманием и глубочайшим сочувствием.

Этот Свет берет начало из источника чистой духовной энергии и не имеет ничего общего с физической или психической энергией. Духовная энергия не может создаваться людьми. Она существует в сфере, где нет места негативу. И это значит также, что в присутствии Света, несмотря на то, насколько плохо мы до этого себя вели на Земле и насколько можем чувствовать себя виноватыми, мы теряем способность мыслить негативно. Сверх того, совершенно невозможно чувствовать, что тебя осуждают в этом сиянии, которое многими называется Христос или Бог, так как Он — существо абсолютной и безусловной Любви.

Стоя в этом Свете, мы осознаем те возможности, которые у нас могли быть, если бы мы правильно прожили свою жизнь. В присутствии Света, который окружает нас сочувствием, любовью и пониманием, мы попросим позволить пересмотреть еще раз всю земную жизнь духовными глазами и оценить ее, так как мы не связаны больше доводами рассудка, который ограничивал нас во время пребывания в земном теле. Мы воспринимаем еще раз каждую мысль, каждое слово и каждое дело нашего земного существования и узнаем одновременно, как они действовали на все окружающее. И теперь мы сами будем судить о наших мыслях, словах и действиях. В присутствии духовной энергии мы не нуждаемся в физическом облике. Мы «сдаем» там эфирное тело и принимаем вновь облик, который у нас был до того, как мы родились на Земле. Он будет у нас вечно.

Важно понимать, что мы с начала существования до возвращения к Богу всегда сохраняем собственную идентичность и энергетическую структуру, и что среди многих миллиардов людей во Вселенной нет второй такой энергетической структуры, нет человека, который был бы идентичен другому, даже если речь идет об однояйцевых близнецах. Если кто-то сомневается в величии нашего Творца, представьте себе, какой гений требуется, чтобы создать миллиарды энергетических структур, и чтобы среди них не нашлось ни одного повтора. Каждый человек одарен даром неповторимости. Я могу сравнить это чудо только с бесконечным количеством снежинок на планете Земля, про которые известно, что среди них нет двух, которые были бы идентичными. Мне была дарована большая милость своими собственными глазами при ясном дневном свете видеть существование сотен таких

энергетических структур. Они прибывали ко мне подобно бесчисленному количеству «снежинок», каждая из которых отличалась от других своим свечением, цветом, видом или формой. Так мы выглядим после того, как умерли, и так существуем, прежде чем вновь родимся.

Мы не нуждаемся в прямом смысле слова во времени и пространстве, чтобы путешествовать от одной звезды до другой, от планеты Земля к другим созвездиям. Да, энергоструктуры каждой сущности могут задерживаться даже здесь, на Земле. Если бы у нас только были такие глаза, которые могли бы это видеть, то мы заметили бы, что никогда не бываем одни, что нас окружают те сущности, которые преданно сопровождают нас всю жизнь, любят и охраняют нас. Они пытаются нами руководить и помогать, чтобы мы оставались на верном пути, который ведет к предопределению. Возможно, во времена, когда мы страдаем от сильной боли, душевных мук и большого одиночества, мы можем так повышать свое восприятие, чтобы наблюдать их присутствие. Например, говорить с ними перед сном: задавать вопросы и просить, чтобы позволили нам найти правильный ответ. Те, кто способен запоминать сны, знают, что на многие вопросы именно в них были получены ответы. И чем выше наша способность настраиваться на внутреннюю сущность, собственную духовную сторону, тем больше уверенности, что мы также можем получать помощь и руководство от этой сущности, которая является всезнающим «Я» и нашей бессмертной душой, которую мы обычно описываем как бабочку.

Я хочу поделиться собственным мистическим опытом, который был дан мне для того, чтобы узнать истину, а не только надеяться, что все эти вещи, которые находятся по ту сторону научного понимания реальности, открыты каждому человеку. Я со всей определенностью хотела бы сказать, что в ранние годы не имела никакого представления о высшем сознании. Я никогда не искала гуру. Никогда не была действительно способна медитировать, что для многих людей становится источником мира и понимания. Но я нахожусь в полном контакте с собой, когда разговариваю с умирающими пациентами. И возможно, те тысячи часов, когда я сидела у их постелей и нам никто и ничто не могло помешать, были одним из видов медитации. Если смотреть таким образом, тогда я поистине многие, многие часы медитировала. Но я твердо убеждена в том, что нет необходимости жить отшельником на вершине горы или сидеть в ногах какого-нибудь гуру в Индии, чтобы получить мистический опыт.

Я также убеждена в том, что каждый человек состоит из физической, эмоциональной, интеллектуальной и духовной составляющих. Я все больше убеждаюсь в том, что мы можем научиться все неестественные чувства: ненависть, страх, нерешенные заботы, океаны, полные невыплаканных слез, отпускать от себя и освобождаться от них, чтобы мы опять могли настраиваться на истинную сущность, на нас настоящих. Эта истинная сущность состоит из тех же четырех частей, которые в полном равновесии и единстве гармонируют друг с другом. Этого состояния внутреннего равновесия мы достигаем лишь тогда, когда научились принимать наше физическое тело. Мы должны стремиться к тому, чтобы беспрепятственно выражать естественные чувства, не боясь, что над нами посмеиваются, когда мы плачем, показываем естественную досаду или ревность, или неудовольствие, когда нас заставляют подражать кому-то в талантах, даровании или особенностях. Мы должны понимать, что существуют только два страха. Первый — это страх перед падением, и второй — это страх перед шумом. Все остальные страхи были навязаны нам, детям, взрослыми, постепенно они проецировали свои собственные страхи на нас и передавали их, таким образом, от поколения к поколению.

Самое важное — это то, что мы должны научиться любить безусловно. Как часто мы говорим: «Я буду любить тебя, если»... И это слово «если» разрушило и уничтожило больше жизней, чем что-то другое на планете Земля. Это слово создает у нас веру, что мы должны заслужить любовь хорошим поведением и отличными школьными оценками. Так мы никогда не сможем полюбить себя. Когда мы детьми поступали против воли взрослых, нас наказывали, и мы

привыкли к этому, как к норме. Наши духовные учителя обратили внимание на то, что если бы мы росли в безусловной любви, подчиняясь разумной дисциплине, то также не испытывали бы такого страха перед жизненными бурями.

«Если бы вы захотели осмотреть Большой каньон в бурю, то никогда не смогли бы заметить красоты его формы».

Как я уже упоминала, я не искала гуру, а также не пыталась медитировать или достичь каких-либо высоких состояний сознания. Но каждый раз, когда пациент или жизненная ситуация указывали на какую-то мою отрицательную особенность, я пробовала ее из себя изгонять, чтобы достигнуть гармонии между моими физической, эмоциональной, интеллектуальной и духовной составляющими. И когда я таким образом делаю свое «домашнее задание» и пытаюсь чему-то научиться, я получаю бесценные дары. Они приходят в виде обмена мыслями с моим духовно-интуитивным, всезнающим и все понимающим «Я». Они способствуют установлению контактов с ведущими нас силами, которые находятся в невидимом мире. И которые всегда окружают нас и ждут возможности передавать не только знания и указания, но и помочь понять, для чего мы живем и каковы обстоятельства нашей индивидуальной земной судьбы. Они помогают исполнить предопределение в этой единственной земной жизни, чтобы мы не должны были возвращаться еще раз и наверстывать те уроки, которые не смогли выучить в этом существовании.

Во время моего первого опыта мне было позволено покинуть тело во время одного научного исследования. Этот опыт был проведен при помощи ятрогенных средств в лаборатории в Виргинии под одновременным наблюдением нескольких скептически настроенных ученых. Во время внетелесного опыта меня вернул назад руководитель эксперимента, так как посчитал, что я слишком преждевременно и быстро вышла из своего тела. Я твердо решила при повторном эксперименте внетелесного переживания обойти эту проблему чужого вмешательства и сама себя запрограммировала покинуть тело чуть ли не со скоростью света и удалиться как можно дальше. Так я и поступила.

Но единственное, о чем я могла вспомнить при возвращении в мое физическое тело, было слово «Шанти Нилайя». У меня не было никакой идеи по поводу происхождения или значения данного слова. Я также не знала, где побывала. Все же и я осознала это еще перед моим возвращением, я излечилась от довольно болезненной травмы спины. Я даже была в состоянии высоко поднять стофунтовый мешок сахара — без усилий и боли. Присутствующие сказали мне, что я выгляжу на двадцать лет моложе. Каждый из них расспрашивал меня о переживании. Я же не имела никакого представления, где была во время своей внетелесной «вылазки», до тех пор, пока на следующую ночь не узнала об этом больше.

Эту ночь я проводила в заброшенном пансионате посреди леса у подножия гор Голубого хребта. Постепенно, и не без ужаса, я осознала, что слишком далеко зашла во время моего внетелесного переживания и что теперь должна нести ответственность за последствия собственного решения. Я попыталась преодолеть усталость, так как у меня было смутное внутреннее предчувствие, что «это» должно произойти, не зная, что «это» могло бы быть.

И в момент, когда «это» происходило, я получила, по всей вероятности, самый болезненный и самый одинокий опыт, который может испытать человек. В буквальном смысле слова я прожила тысячу смертей, тех, через которые прошли умирающие, окруженные моей заботой. Я находилась в агонии физически, эмоционально, интеллектуально и духовно. Было невозможно дышать. Во время этих чудовищных мучений я целиком и полностью осознавала, что поблизости нет никого, кто смог бы прийти ко мне на помощь. Я должна была перенести все в полном одиночестве.

В эти ужасные часы мне были позволены только три кратких перерыва для отдыха. Мои боли,

скорее всего, можно сравнить с родовыми схватками, они следовали беспрерывно одна за другой. Во время одного из трех кратких перерывов, в который мне удалось пару раз глубоко вздохнуть, произошло несколько символических событий, смысл которых я поняла, однако, гораздо позже.

Во время первой передышки я попросила о плече, к которому смогла бы прислониться. И я думала действительно о том, чтобы появилось левое плечо какого-то мужчины, на которое я могла бы положить голову, чтобы легче переносить страдания. Как только я высказала эту просьбу, услышала глубокий и серьезный, но вместе с тем заботливый и участливый голос, который сказал только: «Она не может быть исполнена».

Через некоторое время мне была позволена еще одна передышка. В этот раз я просила о руке, за которую могла бы взяться. И вновь я надеялась, что в этот раз на правой стороне моей кровати окажется рука и я смогу взяться за нее, чтобы чуть легче переносить боль. И тот же самый голос опять повторил: «Просьба не может быть исполнена».

Во время моей третьей и последней передышки я решила, что буду просить лишь о кончике пальца. Все же я немедленно добавила, как это соответствует моему характеру: «Нет, если мне не дают руки, я отказываюсь также от кончика пальца». Под кончиком пальца я подразумевала хотя бы знание о том, что кто-то присутствует рядом.

Теперь я начала понимать в первый раз в жизни, что даже при такой агонии нужно обращаться к вере, которая находится внутри меня. И эта вера происходила от глубоко внутри покоящегося знания, что я располагаю силой и мужеством, чтобы в одиночестве перенести эти смертельные муки. Мне внезапно стало ясно, что для того, чтобы окончить борьбу, я должна сопротивление превратить в мирное, спокойное подчинение, для чего нужно было просто сказать «да».

И в тот самый момент, когда я в мыслях сказала «да», муки прекратились. Мое дыхание стало спокойнее, физическая боль исчезла. И вместо тех тысяч смертей, которые я пережила, мне досталось переживание нового рождения, которое невозможно описать словами.

Оно началось с быстрых вибраций или пульсаций в области живота, откуда они стали распространяться по всему телу. Но они не остались только внутри меня. Так я приводила в движение все, на что бы ни бросала свой взгляд, будь то потолок, стена, пол, мебель, кровать, окно, да и само небо, которое я видела в окно. Деревья были охвачены этим колебанием и, наконец, вся планета Земля. Да, мне поистине казалось, что как будто бы вибрировала вся Земля, как будто бы вибрировала каждая молекула. И потом я увидела нечто, что выглядело как бутон цветка лотоса, который открывался передо мной, поражая невероятной красотой. И позади этого цветка лотоса вдруг засиял свет, про который часто говорили мои пациенты. И когда я приближалась через открытый быстро вибрирующий цветок лотоса к Свету, я притягивалась все больше и больше этим Светом, непредставимой безусловной Любовью, пока окончательно с ним не слилась. Но в тот самый момент, когда я стала единой с источником Света, прекратились все вибрации. Глубокий покой охватил меня, и я впала в сон больше похожий на транс. Очнувшись, я знала, что должна одеться и спуститься с холма, чтобы «это» произошло на восходе солнца.

И «это» произошло. Пожалуй, мне достался наибольший восторг, который люди могут испытать в этом физическом мире. Я чувствовала себя погруженной в состояние тотальной любви и удивлялась всему, окружающему меня. Я находилась в любовном взаимодействии с каждым листочком, каждым облаком, каждой соломинкой и каждым живым существом. Я чувствовала даже пульсацию отдельного камушка на дороге, так как я в истинном смысле этого слова шла «над» ними и обращалась к ним в мыслях: «Я не могу не наступать на вас, но я не хочу причинять вам боль». И когда я спустилась с холма, то действительно

чувствовала, что ни одним шагом не побеспокоила землю. Я не сомневалась в подлинности этого переживания. Это было просто восприятие, источником которого было Космическое Сознание. Я смогла познать жизнь всей живой природы вместе с той любовью, которую невозможно выразить словами.

Понадобилось несколько дней, чтобы я смогла снова полностью ориентироваться в моем физическом существовании, заниматься обычными делами: мыть посуду, стирать белье или готовить еду семье. И мне понадобился месяц, пока я не стала способна говорить о своем переживании. Я поделилась им с удивительной, полной понимания группой людей, которые пригласили меня по поводу одного симпозиума по трансперсональной психологии в Беркли, Калифорния. И после того, как я поделилась с этой группой своим переживанием, они даже дали этому имя: «Космическое Сознание». И тотчас — соответственно моей привычке — я посетила библиотеку, чтобы посмотреть, могу ли я там взять книгу с таким же заголовком, чтобы ознакомиться со значением этих слов. Так я узнала, что слово «Шанти Нилая», которое было сообщено мне, когда я слилась с духовной энергией, с источником Света, это и есть, в конечном счете, ожидающий нас «дом мира». Тот домашний очаг, к которому мы однажды вернемся, после того как прошли сквозь страх смерти, боли, мучения и заботы. И после того, как мы научимся всю эту боль отпускать и становиться тем, чем, согласно творению, должны были быть. А именно — существом с находящимися в идеальном балансе физической, эмоциональной, интеллектуальной и духовной составляющими, существом, которому известно, что истинная Любовь не имеет никаких притязаний и никаких условий больше не ставит, говоря слово «если». Живя безусловной Любовью, мы здоровы и невредимы и в состоянии выполнить определенные нам задачи и цели в нашей единственной жизни.

Изменения, произошедшие во мне благодаря опыту, о котором я рассказала, невозможно передать словами. Но тогда я поняла, что должна поделиться своим знанием о жизни после смерти. Я в истинном смысле этого слова прошла через тысячу смертей, так как общество, в котором я живу, пыталось разорвать меня на куски. Но опыт и знание, радость, любовь и волнение, которые последовали за этим страданием, вместе со всеми прочими наградами всегда будут значить для меня намного больше, чем любая боль.

Примечания

1

Здесь и далее цитаты приводятся по Синодальному переводу Библии.